CC BY

Зыков Михаил Борисович

ОБОСНОВАНИЕ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФИЛОСОФСКОЙ ТРИЛОГИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Ключевые слова*: любовь, закон, личность, животная личность, духовная личность, жизнь, детство, разум, рассудок, человек, животное, философия, общество, государство, жена, дети, друзья, семья, Иисус Христос, сознание, поведение, поступок, основное противоречие жизни, разумное сознание, чувство, человеческий капитал, социальный капитал, ощущение, абстрагирование, форма культуры, антиценность, псевдоценность, онтоценность, душа, совесть, творчество, Бог, Природа, Абсолютная истина, Онтичная истина, относительная истина, Онтос, наука, искусство, религия, психология.*

В учении о человеческой жизни, развиваемой автором статьи, рассматриваются три вида жизни: природы, общества и человека, управление которыми сосущесявляется, в основном и в первую очередь, в соответствии с законами природы, закономерностями общества и ценностями человека. В психике человека это управление осуществляется первой, второй и третьей сигнальными системами, соответственно. Показано, что основы такого понимания человеческой жизни заложены Л.Н. Толстым в его философской трилогии.

Keywords*: love, law, personality, animal personality, spiritual personality, life, childhood, mind, reason, human being, animal, philosophy, society, state, wife, children, friends, family, Jesus Christ, consciousness, behavior, deed, basic contradiction of life, conscience of mind, feeling, intellect, human capital, social capital, sensation, abstraction, form of culture, anti-value, pseudo-value, onto-value, soul, conscience, creativity, God, Nature, absolute truth, ontic truth, relative truth, Ontos, science, Arts, religion, psychology.*

Three kinds of life – biological, social and spiritual, – the basic items of the Author's doctrine of human life – are considered in connection with the problem of the efficient governing by the behavior of social entities and of the human beings, using

spiritual values. It's shown that the first fundamental ideas in the field were put forward by Russian writer, philosopher and scientist Leo Tolstoy who predicted the Third World Revolution to implement the spiritual values to the humankind's life.

Введение

Нет сомнений, что глубокий, чрезвычайно затянувшийся социально-экономический и общекультурный кризис в современной России скоро придет к концу, и тогда возникнет необходимость быстрого и эффективного посткризисного развития нашей Родины. Там будет много задач, но одной из самых насущных, безусловно, будет построение нового российского цивилизационного кольца взамен уже безнадежно устаревшегося и практически рассыпавшегося советского. Задача эта архисложная, и при решении её мы должны учесть все возможные отечественные наработки в этом направлении, с тем, чтобы найти наилучший вариант. В такой ситуации нельзя пройти мимо нравственной философии Льва Николаевича Толстого, известной в народе как Учение Толстого (в содержательном обозначении – как Учение Л.Н. Толстого о Третьей сигнальной системе).

Мало кто сегодня возразит против утверждения, что у каждого человека одновременно «текут» три жизни – биологическая, социальная и духовная. Все слышали и знают о Первой и Второй сигнальных системах, теория которых разработана, в основном, в России И.М. Сеченовым, И.П. Павловым и их учениками. Почти ничего не известно здесь о Третьей сигнальной системе (ТСС), в которой сигналом к различным видам поведения общества и человека служат *ценности* его разума. В самом конце своей жизни академик И.П. Павлов приступил к изучению этой системы, но его смерть оборвала начатую работу. Между тем, Л.Н. Толстой, посвятивший последние тридцать лет своей жизни исследованию именно ценностной системы поведения человека, успел создать стройное и разработанное учение, которое с полным основанием можно назвать Учением о Третьей сигнальной системе.

В предреволюционной России, затем в СССР и в постсоветской России никто не рассматривал Льва Николаевича как выдающегося ученого и философа.

Он считался просто гениальным художником слова. Когда я (личное местоимение «я» используется в этой работе с одной целью – автор сознательно берет всю полноту ответственности за её содержание на себя, чтобы в наше сложное время не пострадали никто из родственников, – МБЗ) в начале 2000-х годов возглавил сектор в Музее Толстого на Кропоткинской в Москве, я развернул исследовательскую работу по изучению научного и философского наследия великого мыслителя (программа называлась «Двенадцать Нобелевских премий, только по случайности не полученных Л.Н. Толстым»). Над воротами только что отреставрированного филиала музея Новокузнецкой был уже вывешен огромный рекламный щит с перечнем моих 12 лекций о научных достижениях Толстого: именно там я должен был читать мои публичные лекции. Но это была ошибка: «сверху» поступило «указание», мои научные исследования и лекции были отменены, рекламный щит снят. Возник острый конфликт с руководством, и мне пришлось уйти из музея. Но сегодня настал момент, когда об этой стороне творчества Льва Николаевича полезно опять вспомнить.

Необходимость написания этой работы следует из того общеизвестного факта, что учение Толстого в его истинной сущности, понимается сравнительно очень немногими. В большинстве же случаев оно невообразимо искажается и извращается в понятиях людей. Распространены суждения о том, что Толстой отрицает науку, искусство, культуру вообще, отрицает брак, семью, отрицает Бога, Христа, религию. Что он проповедует возвращение к первобытному состоянию людей, к первобытным условиям труда. Присяжные философы говорят ещё, что у Толстого нет теории познания, или что учение его исключительно этическое и т. д. Что Толстой был гениальный художник, но философ – никчемный [4, с. 7].

Но это не так. Толстой-художник и Толстой-мыслитель – это один и тот же человек, кстати, гениальный. Исследования философии Толстого велись до последнего времени в России с вульгарно-социологических позиций, как и всего религиозно-философского наследия русской культуры – от Гоголя и Чаадаева до Достоевского, Владимира Соловьева, Василия Розанова, Павла Флоренского и

других [15, с. 4]. Но такой подход к изучению творческого наследия наших гениальных предшественников совершенно недопустим. Обычно гении обгоняют человечество примерно на сто лет. Так случилось и с Толстым. Только теперь, сто лет спустя после его смерти, развитие научной мысли приблизило нас к пониманию его философского творчества. И было бы исторически несправедливо этот факт не зафиксировать в современной научной печати. Конечно, Толстой и сам весьма успешно проповедовал свое Учение. Он был гениальный художник, который, как никто другой, *знал, чувствовал и ощущал* человеческую жизнь. Строить современное учение о человеческой жизни, не опираясь на толстовские знания, чувства и ощущения, – просто нельзя (и это – только начало работы: мы знаем, что кроме Толстого были Пушкин, Гоголь, Достоевский и др., – МБЗ).

Сила толстовской проповеди в том, что мысль о Всеединстве Природы, Общества и Мышления человека он высказывает не в абстрактных и труднодоступных категориях нравственной философии «оправдания добра», как это делает, например, Владимир Соловьев, а в простых, доступных, даже сознательно упрощенных суждениях о Боге, человеке и жизни. Толстой всегда стремился сделать свои книги как можно более доступными и полезными большинству читателей [19, т. 42, с. 473]. Он старался излагать мысли «упрощенно» [19, т. 45, с. 546]. Толстой был уверен, что короче выраженная мысль всегда яснее и понятнее. Например, сохранились 93 варианта предисловий к книгам «На каждый день» и «Путь жизни», представляющие собой впечатляющую картину работы над одним текстом. Конечно, одним их объяснений этого феномена является то, что в этой работе Толстой обращался не к внешним, а к внутреннему источнику *онтичной* истины, той, которая справедлива для всего *онтоса*, Космоса, всей Вселенной. Этот метод философской работы Толстого чрезвычайно затрудняет и его современное исследование.

Окружающие вспоминают, что, работая с крестьянскими детьми, Толстой любил излагать свои самые сложные мысли зримо и осязательно, так, чтобы их мог понять даже ребенок. Его рассуждения о душе, о духовном «я» даны в «Пути жизни» предельно ясно, – с точки зрения рядового читателя и публицистики. Но,

чтобы переложить мысли Толстого в общепринятую научную форму, введя их тем самым в современную научную дискуссию, требуется приложить немалые специальные усилия.

Прошло сто лет после опубликования последней и самой значительной философской работы Льва Николаевича Толстого «Путь жизни» [20]. Прошло 25 лет с тех пор, как после невероятных мучений и унижений мне удалось зарегистрировать в Минюсте России Ассоциацию «Духовное единство» (Церковь Льва Толстого – «толстовцы») в качестве её Первосвященника с указанием во всех документах моего имени, адресов и телефонов именно в таком качестве. Это было требование и условие Министерства. С меня потребовали также документ о высшем религиозном образовании, и мне пришлось окончить Духовную академию. Расчет, очевидно, был на то, что я испугаюсь трудностей и еще чего-нибудь, и необходимость регистрации Ассоциации сама собой отпадет (по российскому закону того времени, регистрация Ассоциации должна была осуществиться в «явочном» порядке и занять не больше месяца, но в случае регистрации Ассоциации Льва Толстого этот закон был грубо нарушен на всех уровнях). Я не испугался. И с моей официальной карьерой в России навсегда было покончено. Последний раз я услышал, как меня публично обозвали «сектантом» и обложили матом всего несколько дней назад. После принятия в 1997 году Закона «О свободе совести» деятельность Церкви Льва Толстого в России была приостановлена.

Удивительное дело: Чем больше времени проходит со дня смерти Льва Николаевича, тем всё более становится понятным, каким огромным гением всечеловеческого масштаба он был. В настоящей статье я постараюсь доказать это, анализируя его философскую трилогию и, особенно, – последнюю книгу этой трилогии – «Путь жизни». Она начинается Предисловием, которое Толстой переписывал, как я уже сказал, 93 раза (!). Почему потребовалось такое невероятное число уточнений текста? Причин было две. Во-первых, Великий философ рассматривал «Путь жизни» как Завещание всем будущим поколениям, то есть придавал этому труду огромное значение. Во-вторых, Лев Николаевич не был

профессиональным философом, и все свои великие философские открытия сделал, скорее опираясь на свою ни с кем несравнимую художественную интуицию, чем на виртуозное владение философскими категориями. А такой метод постижения сути вещей оказался весьма трудоёмким и требовавшим постоянного уточнения.

1. Обоснование необходимости третьей мировой.

В современном английском языке сокращенное обозначение алфавита пишется как ABC. Дальше будут ещё 23 буквы, но все начинается с этих трёх. Нечто подобное происходит и в истории человечества. Её трехчастная периодизация [8] также указывает на ТРИ первые необходимые ступени развития каждой страны, каждого народа и каждого человека – A, B, C. Дальше будут ещё «буквы» – 23 американских, а может быть – и 30 русских..

Первая мировая сигнальная революция произошла, когда человеческое стадо выделилось из животного за счёт внедрения в свою жизнь Первой сигнальной системы, прибавив к безусловным, условным рефлексам и животным инстинктам инстинкты культурные – ксенофобии, альтруизма, любознательности и др. Этого революционного «запала» народам хватило, чтобы подняться на первые три ступеньки цивилизационно-экономического развития – первобытного рода, племени и союза племен (A1, A2 и A3). Но этого оказалось мало. Тогда произошла Вторая сигнальная революция, внеся в жизнь народов и каждого человека вторую – словесную (вербальную) систему. Она позволила подняться народам и людям на три следующие ступеньки социально-экономического развития – полиса (нома, города-государства), абсолютной и конституционной монархий (империй, королевств и т. п.) (B1, B2 и B3). Но история не остановилась и на этом. Началась Третья сигнальная революция, вводя в жизнь некоторых народов и некоторых людей Третью сигнальную систему – управления жизнью народов и людей не культурными инстинктами, не словами, а *ценностями*. Всё началось с французов, догадавшихся пустить в практический оборот в государственном масштабе первые три ценности прямо в виде революционного (по тем временам) лозунга «*свободы, равенства, братства*!».

Народы Европы, а затем и всего мира начали осваивать следующие три ступени цивилизационно-экономического развития – Демократической республики, Республики с соблюдением прав человека, Республики с соблюдением прав и обязанностей гражданина (С1, С2 и С3). По этим же ступеням начали подниматься и жители этих стран, более или менее массово. Но в мире ещё нет ни одной страны на ступени С3, и третья мировая сигнальная революция только начинается. Её первым сознательным основоположником, теоретиком и практиком стал Лев Николаевич Толстой.

Его самый существенный научный результат, определивший всё остальное в этом деле, – доказательство того, что категория Бог используется для обозначения высшей, за пределами естественной человеческой ограниченности, ступени абстрагирования всей совокупности чувств, рождаемых в человеческом теле, внутри его так называемого «кожного мешка». Тело человека неизмеримо сложнее всего, что известно как физический Космос. Оно движется в своем функционировании и развитии по объективным, не зависящим от человека законам *онтоса*, являясь для человека, хотя и труднодоступным, но достоверным *внутренним* источником *онтичной* истины (название одной из программных статей Толстого – «Царство Божие внутри вас», – МБЗ). Из этого следует, что человек, в отличие от общества, достоверно знает, что есть *добро* и *зло*, и может руководствоваться этим знанием – в рамках ценностной сигнальной системы, – планируя те или иные свои поступки. Добрые поступки, то есть соответствующие *онтичным* законам, приносят самому человеку и его обществу – *благо*. Злые поступки, идущие вразрез с законами *онтоса*, приносят самому человеку и его обществу – *страдания*. Баланс сумм добра и зла, складывающийся из всех поступков людей данного общества, определяет, движется ли оно по пути прогрессивного развития (в случае, когда превалирует добро), или по пути цивилизационно-экономической деградации (в случае, когда преобладает зло).

Поскольку этот чувственный источник онтичной истины одинаков для всех людей, все они *братья по человеческой любви*, поскольку *реально могут* руководствоваться одной и той же системой *светских духовных ценностей* в своей

жизни. Все они потенциально скреплены, как минимум, братской и сестринской *любовью*, и поэтому должны жить вместе в мире и дружбе. Далее Толстому оставалось исследовать только другие источники *онтичной* истины уже в рамках *внешней*, общественной культуры. В итоге, Толстой пришел к выводу, что сущность Третьей сигнальной мировой революции заключается в добровольном подчинении народов и отдельных людей законам *онтоса*, что гарантирует им мир и процветание. Сейчас мир и каждый человек живут плохо, потому что руководствуются совсем *не онтичными* плохо придуманными и произвольными законами, от которых пришло время отказаться.

В практическом плане Толстому пришлось уделить огромное внимание составлению Системы светских духовных ценностей, которой каждый отдельный человек и общество (человечество в целом) могли бы руководствоваться, чтобы жить в *благе*. Толстой пришел к выводу, что основой такой Системы может служить та, которая была предложена человеком Иисусом Христом (система ценностей раннего христианства). Конечно. Она должна быть дополнена, чтобы быть адекватной условиям современной жизни. В этом плане интересна идея Толстого о том, что древнерусская религия – язычество – может, – в результате ценностного подхода, – обрести новый импульс к прогрессивному развитию.

В целом, Л.Н. Толстой выступил в самом конце своей жизни как самый настоящий революционер. Это заметили некоторые советские психологи, например, В.Ф. Асмус, написавший: «Толстой осуждает тот строй духовной жизни современного ему общества, при котором члены этого общества утрачивают всякое сознание разумного смысла жизни» [1, с. 62].

Еще более резко оценивал творчество Толстого Н. Бердяев. Он прямо считал его зачинщиком революции. П его мнению, Толстой, боготворя простой народ, имел «...пренебрежительное и презрительное отношение ко всякому духовному труду и творчеству. Всё острие толстовской критики всегда было направлено против культурного строя. Эти толстовские оценки так же победили в русской

революции, которая возносит на высоту победителей физического труда и низвергает представителей труда духовного... Поистине Толстой имеет не меньшее значение для русской революции, чем Руссо имел для революции французской. Правда, насилия и кровопролития ужаснули бы Толстого, он представлял себе осуществление своих идей иными путями. Но ведь и Руссо ужаснули бы деяния Робеспьера и революционный террор... Толстой сделал нравственно возможным существование Великой России. Он много сделал для разрушения России. Но в этом самоубийственном деле он был русским, в нем сказались роковые и несчастные русские черты» [2, с. 10]. Бердяев ошибся только в оценке масштабаТолстого-революционера: тому одной Русской мало, ему подавай третью *Мировую*...

2. Система светских духовных ценностей Христа – основа Третьей сигнальной системы.

Чтобы облегчить вам, любезный читатель, чтение этой статьи на нескольких десятках страниц, я сразу сформулирую вкратце, какой переворот в философии и во всех гуманитарных науках совершил Лев Толстой. Ключевой категорией его учения – в совокупности всех его опубликованных работ – является *онтичная истина*, которая даётся индивидууму в двух ипостасях, – как результат абстрагирования чувств, идущих изнутри организма (и тогда это есть душа как единичное общего *Бог*), и как результат абстрагирования ощущений, поступающих из внешней среды (и тогда это есть относительная истина как единичное общего *абсолютная истина*). Все люди живут в одном мире, и поэтому все они суть братья и сестры, поскольку и *Бог,* и *абсолютная истина* едины для всех, люди суть единичные проявления общих для всего человечества Бога и Истины. Они и созданы «по образу и подобию Божиему» и несут в себе Истину, всех их спасающую. Это позволяет мне утверждать, что Толстой внес *принцип дополнительности* всех форм культуры – в общественное обсуждение за два десятилетия до

того, как он был предложен в физике. В этом суть философии *всеединства*, – как она сформулирована Толстым.

Душа человека состоит из ценностей всех усвоенных им форм культуры. В каждой форме культуры есть три ценности: антиценность, с которыми рождается каждый новый биологический человек («животное» человека, по терминологии Толстого, *эмир* – в моей терминологии, А-человек в обобщенной стандартной терминологии, предложенной мною, – МБЗ), псевдоценность, которую человек (*сила*ч, или В-человек, в моей терминологии) усваивает в ходе общей социализации своего времени, и онтичная, или истинная, ценность, – *единичное* проявление в индивидууме того *особенного*, что есть душа этого человека *авата*р, или С-человек, – в моей терминологии), и *общего*, которым для всех людей является *Бог* (Абсолютная истина). Поступая, руководствуясь анти- и псевдоценностями своей души (психики), человек творит *зло.* Поступая, руководствуясь онтичными, истинными ценностями, человек творит *добро*. Сумма всех добрых дел есть *добро* (данного индивидуума, данного общества, данного народа или всего человечества). Сумма всех злых дел есть ЗЛО (данного индивидуума, данного общества, данного народа или всего человечества). Соотношение *добра* и *зла* в жизни каждого индивидуума, каждого общества, каждого народа и человечества определяет их *счастливую или несчастную* жизнь. Вера в онтичные ценности приносит человеку счастье, вера в анти- и псевдоценности – горе. Долг каждого человека – самосовершенствоваться на протяжении всей жизни, начиная с раннего детства, возвышаясь от своего «животного» к своему «богочеловеческому» состоянию, доверяя своему «личному» сознанию, и не доверяя сознанию «публичному», как правило, искажающему *онтичную* истину. Вот это – основной корпус идей, сформулированных Толстым. Плюс к этому имеются сотни, если не тысячи, очень важных «подробностей», входящих в его *учение*. Но попробуем изложить это учение по порядку.

Во всех книгах своей философской трилогии Толстой старается убедить читателя в том, что система светских духовных ценностей, предложенная Иисусом Христом является необходимым и достаточным «ядром» общечеловеческой Системы ценностного управления поведением людей и их сообществ любого уровня. Надо сказать, толстому это удается. По крайней мере, очень трудно ему возразить как-то более или менее содержательно. Посмотрим, как это проявляется при обсуждении 55 форм современной культуры.

3. Толстой «видит», объясняет и комментирует следующие, современные ему и будущие формы культуры (они приведены – для удобства чтения – в алфавитном порядке; последовательность их возникновения в историческом времени человечества и каждого человека отражена арабским числом в жирных скобках после названия формы культуры; после этого в «тощих» скобках перечислены слева направо анти-, псевдо- и онтоценности данной формы культуры, как они видятся мне на сегодняшний день):

Бодрость (30) («тише едешь..., «как все», «ни дня без строчки»)

В главе «Пути жизни» – «Неделание» Толстой развивает принцип воздержания, изложенный им в программной работе «Неделание» (1893 г.): «Люди портят свою жизнь не столько тем, что не делают того, что должно делать, сколько тем, что делают то, чего не должно делать. И потому главное усилие, которое должен делать над собою человек для доброй жизни, это – то, чтобы не делать того, что не должно». Но и в таком понимании, – это проявление бодрости, активной жизненной позиции. В свое время академик Иван Бериташвили говаривал: «Ни при каких обстоятельствах жизни нельзя терять академической бодрости» (из разговора с его учениками, – МБЗ).

Быт (17) (роскошь, уют, комфорт)

Толстой утверждает, что единое, истинное благо человека – в любви. Лишается же человек этого блага, когда он, вместо того, чтобы увеличивать в себе

любовь (то есть следование *онтичной* истине, – МБЗ), увеличивает в себе потребности тела, потакая им. В этом состоит *грех излишества*. Поэтому все мудрецы всегда видели в уменьшении потребностей благо человека. Людям надо бы учиться у животных тому, как надо обходиться со своим телом. Как только у животного есть то, что ему нужно для его тела, оно успокаивается. Человеку же мало того, что он утолил свой голод, укрылся от непогоды, согрелся, – он придумывает разные сладкие питья и кушанья, строит дворцы, готовит лишние одежды и вообще стремится к ненужной *роскоши*, отчего ему не лучше, а только хуже живётся [21, с. 55].

Внимание (35) (рассеянность, строгость, концентрация)

Толстой: Христос сказал: сотворите добрые дела, чтобы люди, видя их, прославляли Бога (*онтичную* истину, – МБЗ). И только это одно учение было и будет с тех пор как стоял и будет стоять мир [21, с. 113]. Окружающий нас мир фантастически разнообразен. Мы вовлечены одновременно в десятки активностей, и естественно, возникает вопрос: какой из них уделить основное, если не единственное внимание? Совет Христа и Толстого: делай то, что есть ДОБРО, что ОНТИЧНО пот своей сути и в этом смысле – существенно.

Возраст (20) (солидность, независимость, мудрость)

Толстой: Разрешение *всех, всех* вопросов, волнующих человечество, в одном: в перенесении вопроса из области внешней, научно-общественной деятельности в область своей личной, не телесной, но духовной жизни, в область религиозную. Только сделай для себя это так каждый человек, спроси себя, настоящего себя, свою душу, что тебе перед Богом или перед твоей совестью (если не хочешь признавать Бога) нужно, и тотчас же получатся самые простые, ясные, несомненные ответы на самые сложные вопросы, – всё тотчас же станет просто, ясно, радостно и несомненно.

Кто бы ты ни был: миллиардер, король, палач, тюремщик, нищий, министр, вор, писатель, монах, остановись на минуту в своей деятельности и загляни в

свою святая-святых, в свое сердце и спроси у себя, что тебе, настоящему тебе, нужно для того, чтобы прожить наилучшим образом те часы или десятилетия, которые ещё могут предстоять тебе. – Тебе нужно истинное благо того, кто исполняет закон своей жизни. Закон этот любовь, *любовь к высшему совершнеству*, к Богу и ко всему живому и в особенности к подобным тебе существам – людям [21, с. 122–123]. Казалось бы, – это просто. Но нет. Внутренний источник *онтичной* истины говорит человеку одно, а внешний – очень часто – другое. Существующие социальные институты – государство, наука, церковь, – часто говорят человеку не истину, лгут ему или обманывают его из каких-то, как им кажется, очень важных соображений, оправдывающих такого рода поступки.

Толстой: Человек должен понимать и помнить, что истина для своего распространения и усвоения не нуждается ни в каких приспособлениях и украшениях, что только ложь и обман для того, чтобы быть воспринятыми людьми, нуждаются в особенных условиях передачи их, и что поэтому всякие торжественные службы, шествия, украшения, благовония, пение и т. п. не только не служат признаком того, что при этих условиях передается истина, но, как раз наоборот, служат верным признаком того, что там, где употребляются эти средства, передаётся не истина, а ложь [21, с. 117].

Война (25) (реванш, победа, гуманизм)

Толстой: Сегодня перед нами встаёт ужасное противоречие христианского сознания и международной войны. Патриотизм как чувство исключительной любви к своему народу и как учение о доблести жертвы своим спокойствием, имуществом и даже жизнью для защиты слабых от избиения и насилия врагов, – был высшей идеей того времени, когда каждый народ считал возможным и справедливым для своего блага и могущества, подвергать избиению и грабежу людей другого народа. Но уже около 2000 лет тому назад высшими представителями мудрости человечества начала сознаваться *высшая идея братства людей*, и идея

эта, всё более и более входя в сознание, получила в наше время самое разнообразное осуществление.

Благодаря облегчению средств сообщения, единству промышленности, торговли, искусств и знаний, люди нашего времени до такой степени связаны между собою, что опасность завоеваний, убийств, насилий со стороны соседних народов уже совершенно исчезла, и все народы (народы, а не правительства) живут между собой в мирных, взаимно друг другу выгодных, дружеских – торговых, промышленных, умственных сношениях, нарушить которые им нет никакого смысла, ни надобности.

И вот правительства вызывают эти враждебные отношения под видом патриотизма и потом делают вид, что умиротворяют народы между собой. Мы все христианские народы, живущие одной духовной жизнью, так что всякая добрая, плодотворная мысль, возникающая в одном конце мира, тотчас сообщаясь всему христианскому человечеству, вызывает одинаковые чувства радости и гордости, независимо от национальности. Мы, любящие не только мыслителей, благодетелей, поэтов, ученых чужих народов, мы, просто любящие людей чужих национальностей: французов, немцев, американцев, англичан; мы, не только уважающие их качества, но радующиеся когда встречаемся с ними, радостно улыбающиеся им, не могущие не только считать подвигом войну с этими людьми, но не могущие без ужаса подумать о том, чтобы между этими людьми и нами могло возникнуть такое разногласие, которое должно было бы быть разрешено взаимным убийством, – мы все призваны к участию в убийстве, которое неизбежно не нынче, так завтра должно совершиться. Противоречие это для людей нашего времени так ужасно, что жить, не разрешив его, стало невозможным [21, с. 132–133]. (*Внимание*: Первая производная! Примечание: Здесь и дальше по тексту будет появляться такая запись для того, чтобы документально зафиксировать факт проявления одной из самых главных черт Третьей сигнальной системы – реагирование по «возмущению», или по первой производной функции жизни, что более

точно, – МБЗ.) В данном фрагменте Толстой предлагает разрешить возникшее противоречие еще *до начала войны*, что, возможно, позволит войны избежать.

Толстой: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду (Исх. 20, 13). А я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего подлежит суду» (Мф. V, 21–22). (*Внимание*: Первая производная! – МБЗ.) Объедение, праздность, сладострастие дурны сами по себе. Но больше всего дурны эти грехи тем, что от них заводится самый дурной грех – *гнева*, недоброжелательства, нелюбви к людям [21, с. 58]. Не гневайся, – тем самым избежишь войны.

Толстой: Заповеди мира, данные Иисусом Христом, простые, ясные, предвидящие все случаи раздора и предотвращающие его, открывают это Царство Бога (Царство *онтичной* истины, – МБЗ) на земле. Этих заповедей пять, и ими-то должны руководствоваться люди в своих взаимных отношениях.

Первая заповедь говорит: Будь в мире со всеми, не позволяй себе считать другого человека ничтожным или безумным (Мф. V, 22). Если нарушен мир, то все силы употребляй на то, чтобы восстановить его. Служение Богу (Онтичной истине, – МБЗ) есть уничтожение вражды (Мф. V, 23–24). Мирись при малейшем раздоре, чтобы не потерять *истинной* жизни. Идеал состоит в том, чтобы не иметь зла ни от кого, не вызывать недоброжелательства ни в ком, любить всех. Заповедь же, указывающая степень, ниже которой вполне возможно не спускаться в достижении этого идеала, в том, чтобы не оскорблять людей словом [21, с. 75].

Толстой: Без любви можно обращаться только с вещами: без любви можно рубить деревья, делать кирпичи, ковать железо, но с людьми нельзя обращаться без любви, так же как нельзя с пчелами обращаться без осторожности. Не чувствуешь любви к людям, сиди смирно, занимайся собой, вещами, чем хочешь, только не людьми. Только позволь себе обращаться с людьми без любви, и не успеешь оглянуться, как станешь не человеком, а зверем, и людям повредишь, и

себя замучаешь. Когда сердишься на кого-нибудь, то обыкновенно ищешь оправданий своему сердцу и стараешься видеть только дурное в том, на кого сердишься. И этим усиливаешь свое недоброжелательство. А надо совсем напротив: чем больше сердишься, тем внимательнее искать всего того хорошего, что есть в том, на кого сердишься, и если удастся найти хорошее в человеке и полюбить его, то не только ослабишь своё сердце, но и почувствуешь особенную радость [21, с. 58].

Воспитание (32) (как все, патриот, совесть)

Толстой: Обыкновенно передовые, образованные люди нашего мира утверждают, что те ложные религиозные верования, которые *исповедуются массами*, не представляют особенной важности. Не стоит того и нет надобности бороться с ними, как это делали прежде Юм, Вольтер, Руссо и другие. Наука, по их мнению, то есть разрозненные случайные знания, которые они распространяют, сама собой достигнет этой цели. Человек, узнав о том, сколько миллионов миль от земли до солнца и какие металлы находятся в солнце и звездах, перестанет верить в церковные положения. Но это не так [21, с. 116]. Надо не эти, обычному человеку совсем ненужные знания давать, а воспитывать чувства человека, его *внутренний* источник *онтичной* истины.

Толстой: Христос предупреждал людей: «смотрите, не сделался бы свет, находящийся в вас (Христос здесь имеет в виду *внутренний* источник *онтичной* истины в человеке, – МБЗ), тьмою. Если свет, который есть в тебе, стал тьмою, то какова же тьма?»... *Толстой*: Свет, находящийся в нас, стал тьмою. И тьма, в которой мы живем, стала ужасна. И церковное учение, несмотря на то, что оно назвало себя христианским, есть та самая тьма, против которой боролся Христос и велел бороться своим ученикам [21, с. 99].

Время (6) (сейчас, момент, вечность)

Толстой: То, что время не может быть необходимым условием всего существующего, доказывается тем, что мы сознаем в себе нечто не подлежащее времени: свою жизнь в настоящем. Физическая смерть есть разрушение тех органов, посредством которых я воспринимаю мир, каким он представляется в этой жизни. Это – разрушение того стекла, через которое я смотрел, и замена его другим (но система светских духовных ценностей, как система моего *отношения к миру* остается неизменной, – МБЗ). Христос сказал, умирая: «В руки Твои отдаю дух мой». Умирая, я иду туда, откуда исшел. Надо понимать свою жизнь в том, в чем она бессмертна. Верить в будущую жизнь может только тот, кто сделал свою работу жизни, установил в своем сознании то новое отношение к миру (ту новую систему светских духовных ценностей, – МБЗ), которое уже не умещается в этой жизни. Над такими людьми время не властно. Вера в бессмертие дается не рассуждением, а жизнью (вспомним пушкинское «Нет, *весь* я не умру, *душа* в заветной лире мой прах *переживет,* – МБЗ) [21, с. 94–95].

Толстой: К вопросу о *времени* в жизни человека. Истинная жизнь *всегда* хранится в человеке, как она хранится в зерне, и наступает *время,* когда жизнь эта обнаруживается («духовное рождение человека», в моей терминологии, – МБЗ). В человеке начинает устанавливаться новое отношение его животного (*эмир*а, в моей терминологии, А-человек, – МБЗ) к разумному (личному, – МБЗ) сознанию. Человек начинает рождаться к истинной человеческой жизни, к *онтичной* жизни, к творению добра, а не зла. Зреющие плоды на дереве подобны духовности человека, вызревающей в его биологичности (нормальный, здоровый человек из *эмир*а превращается сначала в *сила*ча, затем из *сила*ча – в *ават*ара; из А-человека в В- и С-человека, – МБЗ). Процесс этот происходит во времени, как и созревание плода на дереве.

Личное сознание формируется и развивается в процессах чувственного абстрагирования и конкретизирования. Логикой движения этого сознания является

диалектика. Публичное сознание формируется и развивается в процессах абстрагирования и конкретизации поступающих от внешних органом ощущений. Логика движения этого сознание (мышление, – МБЗ) – формальна, в лучшем случае – с добавлением четвертого закона «достаточного основания», по Лейбницу. Сочетанное движение двух этих сознаний (разумение, – МБЗ) называется разумом и считается проявлением мудрости.

Толстой утверждает, что разум не может быть определяем, да нам и незачем определять его, потому что МЫ ВСЕ не только знаем его, но только разум один и знаем (как «априорное», – МБЗ). Разум мы знаем вернее и прежде всего, так как все, что мы знаем в мире, мы знаем только потому, что это познаваемое нами *сходится с законами этого разума* (то есть, – с *онтичной истиной,* – МБЗ), несомненно известными нам. Мы знаем и нам нельзя не знать разума. Нельзя потому, что разум – это тот закон, по которому должны жить неизбежно разумные существа (то есть существа, подчиняющиеся законам *онтоса,* – МБЗ) – люди. И закон, который мы знаем *в себе,* как закон нашей жизни, есть тот закон, по которому совершаются и все внешние явления мира, только с тою разницею, что в себе мы знаем этот закон, как то, что мы сами должны совершать, во внешних же явлениях – как то, что совершается по этому закону без нашего участия. *В исполнении этого закона, к подчинению своего животного закону разума* (то есть онтичному закону, МБЗ), для достижения блага, и состоит наша жизнь *вне зависимости от времени*.

Силы пространственные и временные – силы определенные, конечные, несовместимые с понятием жизни. Сила же стремления к благу через подчинение разуму есть сила, поднимающая в высоту, – сама сила жизни, для которой нет ни временных, ни пространственных пределов [21, с. 34–35].

Гений (судьба человека) (54) (задаток, талант, гений)

Толстой: Волей-неволей человек должен признать, что жизнь его не ограничивается его личностью от рождения и до смерти, что цель, сознаваемая им,

есть цель достижимая и что в стремлении к ней – в сознании большей и большей своей греховности (то есть отступления от *онтичной* истины, – МБЗ) и в большем и большем осуществлении всей *истины* в своей жизни и в жизни мира, – и состоит, и состояло, и всегда будет состоять дело его жизни, не отделимой от жизни всего мира [21, с. 97]. Талантам это удается в значительной мере, гениям – в полной. *Секрет гения* – через него говорит *онтос*. Гений поступает очень просто – подчиняет свое творчество *онтичной* истине.

Движение (5) (отступить, наступить, искать)

Начиная жить, человек руководствуется сначала правилами поведения окружающих его людей и смыслом жизни, как они его понимают. Взрослея, человек начинает по-иному понимать смысл жизни и руководствоваться другими правилами. Они меняются под давлением знаний и опыта собственной жизни. Приходит время, когда *разумное* сознание человека перерастает ложные учения. Человек стремится понять *истинный* смысл жизни, но для этого он должен понять, что такое *жизнь вообще*. Система светских духовных ценностей находится в постоянном движении, развитии.

Сознает человек свою жизнь теми страданиями и теми наслаждениями и радостями, которых желает. Каждый прекрасно *чувствует*, что означает короткое слово «жизнь». И все мы это чувствуем и знаем одинаково *из самих себя*, как сознание себя со своим телом единым, нераздельным целым. Каждый из нас представляет жизнь как стремление от зла к благу (от анти- и псевдо-ценностей к ценностям *онтичным*, – МБЗ). Надо бы слово «жизнь» в этом значении всем и употреблять. Жизнь есть стремление и движение к благу, сопровождающееся чувствами удовольствия или страдания [21, с. 7]. Человек обладает *разумом* и ищет *разумного* объяснения жизни [21, с. 16].

Можно было бы двигаться по жизни, руководствуясь таким соображением: «... всё человечество живет и развивается на основании духовных начал, идеалов, руководящих им (то есть руководствуясь *третьей сигнальной системой*, – МБЗ).

Эти идеалы выражаются в религиях, в науках, искусствах и в других формах культуры (в виде их *ценностей*, – МБЗ). Ты – часть человечества, и поэтому призвание твое состоит в том, чтобы содействовать сознанию и осуществлению идеалов человечества» [21, с. 19]. Но это *не мои* ценности, идеалы. Почему я должен *ими* руководствоваться? Ведь «я» не «они»? Хороший вопрос. Но Толстой как раз и объясняет, что, поскольку внутренний источник *онтичной* истины одинаков у всех людей без всякого исключения, то общечеловеческие ценности едины для всех людей земли.

Деловитость (27) (авось, самоуверенность, серьезность)

Толстой: Мы знаем, верно знаем, когда мы живем по воле Бога (следуя Онтичной истине, – МБЗ). Но не знаем мы самую волю Бога, и нам надо помнить, надо знать, что мы не знаем и не можем знать её. А не выставлять себе цели внешние, отождествляя их с волей Божьей (с Онтичной истиной, – МБЗ), как бы ни высоки казались нам эти цели. Мы все думаем, что воля Отца может быть во внешних делах. А на самом деле воля Отца – только в том, чтобы мы в том ярме, в которое запряжены, были кротки и смиренны и, не спрашивая куда, зачем, что везем, везли бы, когда велят, и не спрашивали бы – зачем и куда, – «Возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем». Будь кроток и смирен сердцем, будь доволен всем, согласен на всякое положение, и исполнишь волю Отца (Онтичный закон, – МБЗ). Поэтому, чтобы исполнять волю Отца (Онтичный закон, – надо узнать – не что делать, а КАК делать то, что приходится делать. Признаки же того, что мы живем по Его воле (по Онтичному закону, – МБЗ), даны нам самые несомненные. Самый первый, главный, несомненный признак, которым мы так склонны пренебрегать, это – отсутствие чувства духовного страдания. Если испытываешь полную свободу, ничем ненарушимую, то живешь по воле Божьей (согласно Онтичному закону, – МБЗ).

Другой признак, поверяющий первый, это ненарушение любви с людьми. Если не чувствуешь враждебности ни к кому и знаешь, что к тебе не чувствуют

зла, ты в воле Бога (в Онтичной истине, – МБЗ). Третий признак, опять поверяющий первый и поверяемый им, есть рост духовный. Если чувствуешь, что делаешься духовнее, побеждаешь животное (*эмир*а, А-человека, – МБЗ) в себе, – ты в воле Отца (в Онтичной истине, – МБЗ) [21, с. 47].

Толстой: Ты – бесконечная малая частица чего-то, и ты был бы ничто, если бы у тебя не было определенного призвания – *дела*. Это только даёт смысл и значение твоей жизни. Дело же твоё в том, чтобы использовать данные тебе, как и всему существующему, орудия: истратить на исполнение предписанного своё тело. И потому все дела равны, и ты не можешь сделать ничего больше того, что тебе задано. Ты можешь быть только супротивником Бога (когда творишь ЗЛО, – МБЗ) или исполнителем Его дела (когда творишь *добро*, – МБЗ). Так что ничего важного, великого человек не может себе приписать [21, с. 71]. Это утверждение Толстого чрезвычайно сильно. Нам кажется. Что действуем мы. Но наша «самость» предопределена необходимостью *онтичного* поведения, то есть по ЕГО закону, если мы хотим творить добро.

Детство (19) (забава, взрослость, радость)

Толстой: С самого первого детского возраста – возраста наиболее восприимчивого к внушению, именно тогда, когда воспитатель должен быть предельно осторожным в том, что он передает ребенку, ему внушаются несовместимые с разумом и знаниями, нелепые и безнравственные догматы [21, с. 116].

Детство – понятие относительное. По существу, под ним понимается период культурного развития каждого человека от начального (дикого, по терминологии Толстого состояния, – в моей терминологии – от *эмир*а, А1-человека, – см [7]) до более высоких состояний. Такое «культурное детство» может совпасть и с детством биологическим, но может случиться и у взрослого человека, вдруг проснувшегося к самосовершенствованию, и у совсем пожилых людей (я встре-

тил много таких людей в Северной Корее, – МБЗ). Культурное совершенствование человека возможно только в варианте «самосовершенствования», поэтому Толстой уделял разработке его теории и практики серьёзное внимание.

По Толстому, внутреннее влечение рождающегося духовного существа человека только одно – увеличение в себе любви. И это-то увеличение любви есть то самое, что одно содействует тому делу, которое совершается в мире: замены разъединения и борьбы – единением и согласием, то, что в христианском учении называется установлением Царства Божия (то есть совершение Третьей мировой, – МБЗ).

Царство Божие – и внутри нас, и вне нас (то есть, у человека два источника *онтичной* истины – изнутри собственного организма и извне; вот эта короткая фраза Толстого – ключ ко всему его философскому и научному творчеству, – МБЗ). Когда мы его устанавливаем в себе, оно устанавливается в мире. Живу затем, чтобы исполнить волю Пославшего меня в жизнь. Воля же Его в том, чтоб я довел свою душу до высшей степени совершенства в любви, и этим самым содействовал установлению единения между людьми и всеми существами в мире. Цель жизни – только одна: стремиться к тому совершенству, которое указал нам Христос, сказав: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный». *Эта единственная доступная человеку цель жизни* осуществляется не стоянием на столбе, не аскетизмом, а выработкой в себе любовного общения со всеми людьми.

Бог (*онтос,* – МБЗ) делает Свое дело через нас. Вложив в человека разумную любовь, он уже всё сделал. Человек поставлен в такие условия, что единственно возможное для него, истинное, разумное благо состоит в стремлении к личному самосовершенствованию. Я – орудие, которым работает Бог (*онтос,* – МБЗ). Мое истинное благо в том, чтобы участвовать в Его работе (то есть руководствоваться в моих поступках *онтичной* истиной, – МБЗ). Участвовать же в Его работе я могу только теми усилиями сознания, которые я делаю для того,

чтобы держать в порядке, чистоте, остроте, правильности то орудие Божие, которое поручено мне – себя и свою душу. «И не придет Царствие Божие видимым образом и не скажут: вот оно здесь или вот оно там. Ибо вот: Царствие Божие внутри вас есть». В той мере, в которой достигает человек внутреннего совершенства, в той мере устанавливает он Царство Божие и только в установлении Царства Божия он подвигается к внутреннему совершенству. Каждый из нас живет только в той мере, в которой он совершенствуется внутри себя.

Толстой: Если ты видишь, что устройство общества дурно, и ты хочешь исправить его, то знай, что для этого есть только одно средство: то, чтобы все люди стали лучше (идеальное общество невозможно составить из неидеальных людей, – МБЗ). А для того, чтобы все люди стали лучше, в твоей власти только одно: самому сделаться лучше. Люди приближаются к доброй и счастливой жизни только усилиями каждого отдельного человека жить доброй жизнью. «Ищите Царствия Божия и правды (*онтичной истины*, – МБЗ) его, а остальное приложится».

Диалектика (47) (лень мысли, противоречие, развитие)

У Толстого в «Пути...» есть глава «Одна душа во всех». Он пишет об единении народов как единении душ: «Чем больше живет человек для души (то есть следуя онтичным ценностям, руководствуясь своей третьей сигнальной системой, – МБЗ), тем ближе он чувствует себя со всеми живыми существами. Живи для тела – и ты один среди чужих, живи для души – и тебе все родня». Общечеловеческое Толстой ставит выше национального, идеологического и прочего особенного и частного в жизни людей: Общечеловеческое (общее) > Национальное (особенное) > Человеческое (единичное). Это и есть диалектика, в понимании Толстого.

Имеются достаточные основания утверждать, что, согласно Толстому, начало жизни (суть жизни) – абстрагирование всех ощущений внешних – дает

дух, абстрагирование всех внутренних чувств дает – *душу*. Это на уровне организма человека. Здесь единичное – чувство и ощущение, особенное – дух и душа, – общее – Абсолютная истина и Бог.

В «Пути жизни», как и всю жизнь, Толстой размышляет о Боге. В главе «Бог» этой книги он предлагает определение души и Бога: «Кроме всего телесного в себе и во всем мире мы знаем ещё нечто бестелесное, дающее жизнь нашему телу и связанное с ним. Это нечто бестелесное, связанное с нашим телом, мы называем душою. Это же бестелесное, ни с чем не связанное и дающее жизнь всему, что есть, мы называем *богом*».

То есть познанное чувство в самом себе – это абстракция, высшая на уровне организма, – это душа. Как только мы признаем, что и в других людях есть душа, – следующая ступень абстрагирования – абстракция всех душ в мире, – есть Бог. Бог познается человеком в самом себе, – говорит Толстой. Он рассматривает человеческую душу как ограниченную особенную (обособленную) часть всеобщего неограниченного – Бога. Он пишет: «Бог находит во мне то, что вечно будет подобно ему», – то есть – человек создан по образу и подобию Бога. Другими словами, внутри человека действует тот же самый онтичный закон, что и во всем внешнем мире.

«Я» духовное – это особенное того общего, что есть *онтичность*, это во мне то особенное духовное существо, которое, в своей вселенской бесконечности, одно во всех. Эта особенность обозначена моим именем («собственным»!). Мое имя – это то «окошко, через которое смотрит я». *Толстой*: «... душа, соединяющаяся с Богом, становится Богом» (а человек при этом становится бого-человеком).

Толстой: «Говорят: спасать душу. Спасать можно только то, что может погибнуть» (но душа, «представитель» Бога, Онтоса в нас, – погибнуть не может, – МБЗ). (Всё, связанное с Богом, – это настройка «рояля» наших ценностей. Например, сон, – это настройка наших телесных констант. Молитва – это

настройка наших духовных констант – ценностей, – МБЗ)... «Душа не может погибнуть, потому что она одна только существует. Не спасать надо душу, а очищать её от того, что затемняет, осквернят её, просвещать её для того, чтобы Бог всё больше и больше проходил через неё (устранять анти- и псевдо-ценности, насаждать онтоценности, – настраивать «рояль ценностей» человека, – МБЗ).

Я утверждаю, что *диалектика* – это «логика» психики человека на уровне третьей сигнальной системы. Человек поднимается от состояния дикости (то есть от своей «единичности» (*эмир*) до состояния «цивилизованности» (то есть до осознания своей «особенности» (*сила*ч), а затем до осознания своей духовности (то есть до осознания своей «всеобщности» (*ават*ар). Это и есть восхождение человека и человечества по девяти ступням цивилизационно-экономического развития. Поскольку никакая *формальная* логика не может «схватить» перехода количественных изменений в качественные и тому подобное.

В отличие от очень интересного современного исследователя Инны Алексеевны Бирич, которая, как и все, практически, остальные советские философы, потеряла всякий интерес к материалистической диалектике, Толстой просто живет диалектикой и мыслит ей. Бирич «упрекает» диалектику за её жесткую дихотомию в анализе мира, который представлен в ней как арена непрерывной борьбы противоречивых сторон действительности, стихийного перехода количества в качество, а механизм его поступательной эволюции основывается на принципе... двойного отрицания (!) и редукционизма (сведения сложного к простому). Скажем, что эти слова относятся к диалектике в её понимании именно советскими философами, но никак не к мировой… [3, с. 12]. Ведь нельзя же забывать огромный вклад в развитие современной диалектики, сделанный Гастоном Башляром. С полным основанием можно утверждать, что Толстому удалось убедить читающую публику в диалектичности разума. Я же иду ещё дальше и утверждаю, что диалектика есть логика «мышления» человека на уровне его третьей

сигнальной системы, и Толстой внес существенный вклад в доказательство этого утверждения.

Например, вот интересное и неожиданное доказательство того, что логика операций в Третьей сигнальной системе – *диалектическая*. На примере учения Иисуса Христа. Ни одно состояние по этому учению не может быть выше или ниже другого. Всякое состояние, по этому учению, есть только известная, сама по себе безразличная ступень к недостижимому совершенству и потому – само по себе не составляет ни большей, ни меньшей степени жизни. Увеличение жизни, по этому учению, есть только *ускорение* движения к совершенству. И потому движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте – составляет высшую степень жизни, чем неподвижная праведность фарисея. И потому-то для этого учения не может быть правил и законов, обязательных для исполнения. Человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живет нравственнее, лучше, более исполняет учение, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны перед этим учением; никакое исполнение законов не составляет исполнения учения. Исполнение учения – движение от себя к Богу (к *онтичной* истине, – МБЗ).

Интересно получается: Диалектическая логика – это первая производная, выражаясь математическим языком, от непрерывной функции психического процесса человека. Если принять, что обычая формальная логика есть сама функция, то получится, что обычный мыслительный процесс нормального индивидуума описывается дифференциальным уравнением первого порядка. Признаться, никогда в жизни ничего подобного в литературе о функционировании психики человека и о его высшей нервной деятельности не встречал. И диалектическая логика высвечивается совсем по-новому. Но обо всем этом – потом.

Примечание: На ускорение специфически реагируют нейроны полей CA3 и CA4 гиппокампа, древней коры мозга. Получается интересная научная гипотеза:

Древняя кора головного мозга (гиппокамп) ответственна за реализацию диалектической логики, а новая кора – за реализацию формальной логики? Надо проверить... Кстати, здесь есть еще один разворот-гипотеза – *математика – язык бессознательного*. Следует начать исследование в этом направлении.

Дружба (51) (выгода, взаимность, верность)

Толстой: Людям, всегда всем недовольным, всех и всё осуждающим, хочется сказать: «Ведь вы не затем живёте, чтобы понять нелепость жизни, осудить её, посердиться и умереть. Не может этого быть. Подумайте: не сердиться вам надо, не осуждать, а трудиться, чтобы исправить то дурное, которое вы видите. Устранить же его вы можете никак не раздражением, а только тем чувством доброжелательства ко всем людям, которое всегда живет в вас и которое вы сейчас же почувствуете, как только перестанете заглушать его» [21, с. 58].

Толстой: Важным является вопрос об отношении каждого из церковных вероисповеданий ко всем остальным. Человек встречает среди людей чуждого ему вероисповедания лиц нравственно высоких и истинно верующих. Он желал бы быть братом этих людей. И что же? То учение, которое обещало ему соединить всех единою верою и любовью, говорит ему, что это всё люди, находящиеся во лжи. Что то, что дает им силу жизни, есть искушение дьявола, и что мы одни в обладании единой возможной истины. И ко всем, не исповедующим его взглядов, это учение относится враждебно, как оно и должно быть: во-первых, потому, что утверждение о том, что ты во лжи, а я в истине, есть самое жестокое слово, которое может сказать один человек другому, и, во-вторых, потому что человек, любящий детей и братьев своих, не может не относиться враждебно к людям, желающим обратить его и детей и братьев в веру ложную. Враждебность эта усиливается по мере большего знания вероучения. Таким образом самое вероучение разрушает то, что оно должно произвести, – единение всех людей [21, с. 106–107].

Здоровье (18) (не болит, не беспокоит, самореализация)

Толстой: Пока не усвоит каждый отдельный человек христианского жизнеописания и не станет жить сообразно с ним, не разрешится противоречие жизни людской и не установится новой формы жизни [21, с. 139].

Толстой: Ни оттого люди ужасаются мысли о плотской смерти, что они боятся, чтобы с нею не кончилась их жизнь, но оттого, что плотская смерть явно показывает им необходимость истинной жизни, которой они не имеют. Ни мое тело, ни время моего существования нисколько не определяют жизни моего Я. Если я в каждую минуту жизни спрошу себя, что я такое, я отвечу: *нечто думающее* (перерабатывающее внешний источник *онтичной* истины, – МБЗ) и *чувствующее* (перерабатывающее внутренний источник *онтичной* истины, – МБЗ), то есть относящееся к миру своим совершенно особенным образом. *Только это я сознаю своим я* и *больше ничего*. Мое сознание говорит мне только: *я есмь*. Мое сознание держит всё тело вместе и признает его одним и своим. Но сознание меняется: мое сознание трёхлетнего ребенка и теперешнее сознание так же различны, как и вещество моего тела теперь и 30 лет тому назад. Во время сна сознание прерывается. Что же такое это нечто, связывающее в одно все мои последовательные сознания? – Только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое и есть то особенное и основное Я человека, в котором собираются в одно все разбросанные, прерывающиеся сознания (то есть система ценностей моей души, основа Третьей сигнальной системы, – МБЗ). (Система ценностей моей души есть моё Я, и я его переживаю как *мое* особое отношение к миру: это я *не люблю*, это мне не нравится; это мне *безразлично*; это я *люблю*, это мне нравится. Речь идет об анти-, псевдо- и онто-ценностях, – МБЗ).

Толстой: Уничтожение моего тела и сознания не может служить признаком уничтожения моего особенного отношения к миру, которое началось и возникло не в этой *моей* жизни. Есть люди, *не стремящиеся* улучшить свою систему ценностей, приблизить её к *онтичности*. Они, по Толстому, боятся смерти. Но не то для человека, понимающего жизнь. Глядя на свое прошедшее в этой жизни, он

видит, по понятному ему роду своих сознаний, что отношение его к миру изменилось, подчинение закону разума увеличилось, и увеличивалась, не переставая, сила и область любви, давая ему всё большее и большее благо независимо, а иногда прямо обратно пропорционально умалению существования личности. Такой человек, приняв свою жизнь из невидимого ему прошедшего, сознавая постоянное непрерываемое возрастание её, не только спокойно, но и радостно переносит её и в невидимое будущее.

Толстой: Я люблю свой сад, люблю читать книжку, люблю ласкать детей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мне не хочется умирать, и я боюсь смерти. – Может случиться, что вся моя жизнь составлена из таких мирских желаний и их удовлетворения. Если так, то мне нельзя не бояться того, что прекращает радости от удовлетворения таких желаний. Но если эти желания изменились во мне и заменились другим желанием -исполнять волю Бога, отдаться ему в том виде, в котором я теперь, и во всех возможных видах, в которых могу быть, то чем больше заменились мои телесные желания духовными, тем менее страшна становится смерть. Если же совсем заменятся мои мирские желания одним желанием – отдаться Богу, то и нет для меня ничего кроме жизни, нет смерти [21, с. 89–91].

Толстой: Ни вино, ни опиум, ни табак не нужны для жизни людей. Все знают, что и вино, и опиум, и табак вредны и телу и душе. А между тем, чтобы производить эти яды, тратятся труды миллионов людей. Зачем же делают это люди? Делают это люди от того, что, впав в грех служения телу и видя, что тело никогда не может быть удовлетворено, они придумали такие вещества, как вино, опиум, табак, которые одуряют их настолько, что они забывают про то, что у них нет того, чего они желают [21, с. 55].

Толстой – сторонник вегетарианства. Он пишет, что ещё с самых древних времен мудрецы учили, что не надо есть мяса животных, а питаться растениями. По его мнению, «Не убий» относится не к одному убийству человека, но и к

убийству всего живого. И, якобы, заповедь эта была записана в сердце человека с самого начала [21, с. 55]. Что на это надо ответить? У Толстого очень много верных, обоснованных суждений, но встречаются и спорные.

Толстой: Ко всем грехам и, следовательно, плохим последствиям для здоровья, приводит человека потворство *похотям* тела. Поэтому человек должен прилагать *усилия отречения от тела, от соблазнов и от дурных мыслей*. «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять её. Никто не отнимает её у Меня, но Я сам отдаю её; имею власть отнять её и власть имею опять принять её. Сию заповедь получил Я от Отца Моего» (Иоанн. X, 17–18). Так я могу отдать и принять не только жизнь мою, но и здоровье мое. Самоотречение не есть отречение от себя, а только перенесение своего «я» из животного существа в духовное. Отрекаться от себя не значит отрекаться от жизни. Напротив, отрекаться от жизни плотской значит усиливать свою истинную духовную жизнь (то есть жизнь по законам *третьей сигнальной системы,* – МБЗ).

Тело скрывает Бога (*онтичную* истину, – МБЗ) в человеке. Без жертвы нет жизни. Ведь жизнь – это, хочешь ли ты или не хочешь этого – жертва телесного духовному (в современном высококультурном обществе, – МБЗ). У людей ничего нашего (то есть *чисто человеческого,* – МБЗ) нет: всё Божие [21, с. 70].

Толстой: При физической работе нет места тщеславию. Эта работа самым благодетельным образом действует на состояние организма и здоровья человека, несравненно благодетельнее, чем шведская гимнастика, массаж и т. п. приспособления, которыми хотят заменить естественные условия жизни человека. Чем напряженнее труд, тем человек чувствует себя сильнее, бодрее, веселее и добрее. При физическом труде энергия умственной деятельности равномерно усиливается, так что физический труд не только не исключает возможности умственной деятельности, – как это думают некоторые, – но улучшает и поощряет её [21, с. 159].

Искусство (21) (копирование, акцент, гармония)

Толстой: Для того, чтобы точно определить искусство, надо прежде всего перестать смотреть на него как на средство наслаждения, а рассматривать искусство как одно из условий человеческой жизни (то есть как одну из форм культуры, – МБЗ). Рассматривая же так искусство, мы не можем не увидеть, что оно есть одно из средств общения людей между собой. Всякое произведение искусства делает то, что воспринимающий вступает в известного рода общение с производившим или производящим искусство и со всеми теми, которые одновременно с ним, прежде или после него восприняли или воспримут то же художественное впечатление. При помощи слова, речи один человек передает другому свои МЫСЛИ, при помощи же искусства люди передают друг другу свои ЧУВСТВА [21, с. 197–198].

Классификация идеалов (38) (тип, ранжир, классификация)

Обобщая, суммируя, абстрагируя множество ощущений, поступающих через зрение, слух, обоняние и др. в центральную нервную систему, человек формирует в своей психике *идеалы*, которые затем может использовать в практической жизни, подводя под них те или иные новые ощущения или комплексы ощущений. Но что бы иметь возможность так сделать, он должен предварительно классифицировать идеалы, создать их иерархию. Например, *Толстой* мог различать у женщин десятки разных улыбок и выражений глаз. Эскимосы в состоянии различать более 25 разных типов снежного покрова, от которого зависит жизнь оленей. Мастера красильного дела различают более 80 оттенков черного цвета и т. д. Понятно, что всё это – признаки высочайшей культуры *нисхождения* от абстрактного (идеала) к конкретному.

Любовь (52) (флирт, влюбленность, восхищение)

Я убежден, что любовь – сила соединения людей. Мужчину и женщину – соединяет половая любовь, поскольку надо зачать, родить и взрастить ребенка. Программа этой половой любви «распаяна» в женском и в мужском организмах. Но чтобы общество – как жизнеспособная система взаимодействующих людей –

могло существовать, нужна еще любовь, связь – не половая. Толстой называет это *братской* любовью. Потому что мы все порождены Природой, мы дети «общего родителя» и потому – братья и сестры. У нас одинаковые общечеловеческие ценности.

Толстой: Все люди с самых первых детских лет знают, что кроме блага животной личности (*эмир*а, А-человека, по моей терминологии, – МБЗ) есть ещё одно лучшее благо жизни, которое не только не зависимо от удовлетворения похотей животной личности, но, напротив, бывает тем больше, чем больше отречение от блага животной личности. *Чувство,* разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку и человечеству, знают все люди. *Чувство это есть любовь,* которая есть *единственная деятельность человека* [21, с. 40].

Толстой: И вот являются вопросы: во имя какой любви и как действовать? Во имя какой любви жертвовать другою любовью, кого любить больше и кому давать больше добра, – жене или детям, жене и детям или друзьям? Как служить любимому отечеству, не нарушая любви к жене, детям и друзьям? Как, наконец, решать вопросы о том, насколько можно мне жертвовать моею личностью, нужной для служения другим? Насколько мне можно заботиться о себе для того, чтобы я мог, любя других, служить им? *Вопросы эти совершенно неразрешимы*. Ведь всё это требования любви, и все они переплетены между собой, так что удовлетворение требованиям одних лишает человека возможности удовлетворять других. При этом любви в будущем не бывает: Любовь есть только деятельность в настоящем. *Главный признак любви – это деятельность, имеющая и целью, и последствием благо* (то есть следование *онтичной* истине, – МБЗ). Не любя других, мы расходимся с тем, что одно во всех, расходимся сами с собою.

Толстой: Всякий старается сделать себе как можно больше добра, а самое большое добро на свете в том, чтобы быть в любви и согласии со всеми людьми. Надо научиться любить тех, кого не любишь. Человек учится самым трудным

искусствам. Учится читать, писать, всякой науке, ремеслу. Если бы только человек учился любить так же усердно, как он учится наукам и ремеслам, он скоро и легко научился бы тому, чтобы любить всех людей, даже тех, которые неприятны нам. По свойству своему любовь, желание блага, стремится обнять всё существующее. Естественным путем оно расширяет свои пределы любовью, – сначала к семейным – жене, детям, потом к друзьям, соотечественникам. Но любовь не довольствуется этим и стремится обнять всё существующее. В этом неперестающем расширении пределов области любви, составляющем сущность рождения духовного существа, и заключается сущность истинной жизни человека в этом мире [21, с. 40].

Толстой: Мне самому хочется сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всем было хорошо и радостно. Это-то и есть, и это одна есть та любовь, в которой жизнь человека (любовное, радостное общество можно сделать только из любовных, радостных людей, – МБЗ). Только такая любовь дает полное удовлетворение разумной природе человека. И нет иной любви, кроме той, чтобы положить душу свою за други своя. Любовь – только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек отдает другому не только свое время, свои силы, но когда он тратит свое тело для любимого предмета, отдает ему свою жизнь – только это мы признаем все любовью и только в такой любви мы все находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир.

Толстой: Христианское учение возвращает человека к первоначальному сознанию себя, но только не себя – животного (*эмир*а, А-человека, в моей терминологии, – МБЗ), а себя – Бога, искры Божьей, себя – сына Божия, такого же, как и Отец, но заключенного в животную оболочку (в моей терминологии – «Человек равен Вселенной, – МБЗ). И сознание себя этим сыном Божьим (равным Вселенной, – МБЗ), главное свойство которого есть любовь, удовлетворяет и всем тем требованиям расширения области любви, к которым был приведен человек

общественного жизнепонимания. Там, при всё большем и большем расширении области любви, любовь была необходимостью и приурочивалась к известным предметам: к себе, семье, обществу, человечеству. При христианском мировоззрении ЛЮБОВЬ есть не необходимость, не приурочивается ни к чему, а *есть существенное свойство души человека*. Человек любит не потому, что ему выгодно любить того-то и тех-то, а потому, что любовь есть сущность его души, – потому что он не может не любить. Христианское учение есть указание человеку на то, что сущность его души есть любовь, что благо его получается не от того, что он будет любить того-то и то-то, а от того, что он будет любить начало всего – Бога (*онтичную истину,* – МБЗ), которого он сознает в себе любовью, и потому, сливая свою волю с Его Высшей Волей (с *онтосом,* – МБЗ), будет любить всех и всё [21, с. 47–48] (вспомним произведение Толстого: «Любите друг друга», – МБЗ).

Математика (13) (мало, много, равно)

Толстой: Вопрос о том, что будет с тем, что мы называем душой (системой светских духовных ценностей, – МБЗ). Мы ничего не можем сказать, потому что вопрос: «что будет» относится ко времени. *Душа же вне времени*. Душа не была и не будет. Она одна есть. Не будь её, ничего бы не было (не было бы *человеческой* жизни, – МБЗ) [21, с. 94]. Но душа – это отношение. Это система ценностей, выражающих отношение человека к окружающему его миру. В совести – подсистеме души, состоящей из одних онтичных ценностей, – происходит *принятие* решений относительно признания того или иного поступка или намерения поступка *хорошим* или *плохим*, приносящим *благо* или *страдание*, ведущим к *добру* или *злу*.

Формирование «приговора» совести можно образно сравнить с перебором горошин религиозных четок, где в качестве «горошин» выступают духовные ценности, нанизанные на нить души. Происходит как бы голосование. Перебирая одну за другой ценности форм культуры, освоенных человеком, и с этой позиции

оценивая предстоящий или уже совершенный поступок, психика человека принимает окончательный приговор совести по поводу данного поступка. Эта процедура – ничто иное как решение огромной *системы уравнений с огромным же числом неизвестных*. Математика – язык бессознательного, инструмент души и совести. К этому выводу я пришел в результате бесконечных и достаточно мучительных размышлений, которым способствовали годы обучения на мехматах Саратовского и Московского университетов, общение с самыми выдающимися математиками СССР.

Математика – это форма культуры, а не наука.

Материальность (2) (мое, наше, природное)

Толстой: Бог открывается непосредственно только сердцу человека (человек *чувствует свое тело*, обобщает эти чувства и получает предельную абстракцию Бога как *блага* своей жизни, – МБЗ) и всякое посредничество, будет ли то одно лицо, собрание лиц, книга или предание, не только скрывает Бога от человека, но и делает самое страшное зло, которое может постигнуть человека, а именно; он считает Богом то, что не есть Бог [21, с. 118].

Толстой: Чтобы быть свободным от обмана веры в чудесное, человек должен признавать истинным только то, что *естественно*, то есть согласно с его разумом (обратите внимание, – *одного* человеческого разума достаточно, потому что *каждый человек равен вселенной*, – МБЗ), и признавать за ложь всё то, что неестественно, то есть противоречит разуму, зная, что всё, что выдается за таковое, есть обман людской, как обманы всяких современных чудес, исцелений, воскрешений и т. д., так же как и чудес, про которые рассказывается в Библии, в Евангелиях, в буддийских, магометанских, таосийских и других книгах [21, с. 118].

Толстой: Ручной труд, и особенно земледельческий, полезен не только для тела, но и для души. Людям, не работающим руками, бывает трудно понимать вещи. Такие люди не переставая думают, говорят, слушают или читают. Уму нет отдыха, и ум раздражается и путается. Земледельческий же труд полезен человеку тем, что труд, кроме того отдыха, который он дает ему, труд этот помогает

человеку просто, ясно и разумно понимать положение человека в жизни [21, с. 57].

Мораль (10) (традиция, приличие, честь)

Толстой: Ничто так не уродует жизни людей и так верно не лишает истинного блага, как привычка жить не по учению мудрых людей и не по своей совести, а по тому, что признают хорошим и одобряют те люди, среди которых живет человек. В том, чтобы делать то, что делаешь, не для своей души (руководствуясь своей *третьей сигнальной системой,* – МБЗ), а только для того, чтобы получить одобрение людей, заключается соблазн *тщеславия* [21, с. 61].

Толстой: Движение всего человечества идет от стремления к личному благу к требованиям совести. Совесть (системная совокупность *онтичных ценностей разума,* – МБЗ) есть тот высший закон всего живущего, который каждый сознает в себе (личным сознанием, не публичным, – МБЗ) не только признанием прав этого всего живущего, но любовью к нему. Требования совести суть то, что на христианском языке называется волей Бога (на языке атеиста, – законом *онтоса,* – МБЗ), сознаваемую нами в нашей совести. К чему приведет это? Ответить нельзя; но ясное сознание необходимости исполнения воли Бога (закона *онтоса,* – МБЗ) меняет всю нашу внешнюю жизнь и приводит к тому, что даёт ей постоянный, всё более и более уясняющийся, радостный и разумный смысл.

Сойтись по-настоящему могут люди только в Боге (в *онтичной истине,* – МБЗ). Для того, чтобы людям сойтись, им не нужно идти навстречу друг другу, а нужно всем идти к Богу (к познанию *онтичной истины,* – МБЗ) Если бы был такой огромный храм, в котором свет шел бы сверху только в самой середине, то для того, чтобы сойтись людям в этом храме, им всем надо было бы только идти на свет в середину. То же и в мире. Иди все люди к Богу (к *онтичной истине,* – МБЗ), и все сойдутся [21, с. 46].

Мышление (36) (простота, рациональность, разум)

Толстой: Во всех случаях человек, которому в детстве внушены бессмысленные и противоречивые положения, как религиозные истины, если он с большими усилиями и страданиями не освободится от них, есть человек умственно

больной. Такой человек, видя вокруг себя явления постоянно движущейся жизни, не может уже не смотреть с отчаянием на это движение, разрушающее его миросозерцание, не может не испытывать явного или скрытого недоброжелательства к людям, содействующим этому разумному движению, не может не быть сознательным поборником мрака и лжи против света и истины [21, с. 117].

Толстой: Объяснения *рассудочные* ничего не объясняют. *Рассуждение* (то есть *разумное* мышление, – МБЗ), напротив, с очевидностью показывает вероятностный характер жизни. Случайностей в человеческой жизни бесчисленное множество. Обычные для людей недалеких вопросы «зачем?» и «за что?» не имеют особого смысла для человека, понимающего, что цель жизни одна: быть совершенным, как Отец (следовать *онтичной* истине, – МБЗ), делать то же, что Он, то, чего Он хочет от нас, то есть любить (жить *онтичной* человеческой жизнью, – МБЗ), чтобы любовь (*онтичная* истина, – МБЗ) руководила нами в минуты самой энергичной деятельности и чтобы, однако, ею мы дышали в минуту величайшей слабости. Как только делается тяжело, больно, так стоит вспомнить это, и всё тяжелое, больное исчезнет и останется одно радостное. Для достижения совершенствования в любви (в познании *онтичной* истины, – МБЗ) преград нет [21, с. 95–96].

Толстой: Все различия наших положений в мире ничто в сравнении с властью человека над самим собой, над своей мыслью. Сила не во внешних условиях, а в умении владеть собой. Грехи, соблазны и суеверия, препятствуя соединению души человека с Богом (с *онтичной* истиной, – МБЗ) и душами других существ, лишают человека свойственного ему блага. Чтобы этого не происходило, прежде, чем сделать что-то, надо хорошенько *подумать*. Для борьбы этой человек должен делать *усилия* воздержания, всегда возможного для человека, от *поступков*, и от *мыслей*, противных сознанию человеком в себе божественного начала и любви ко всему живому (*внимание*: Первая производная! – МБЗ).

Мы часто говорим и *думаем*, что я не могу делать всего, что должно, в том положении, в котором нахожусь теперь. Как это несправедливо! Та *внутренняя*

работа, в которой и заключается жизнь, всегда возможна. Ты в тюрьме, ты болен, ты лишен возможности какой бы то ни было внешней деятельности, тебя оскорбляют, мучают, – но внутренняя жизнь твоя в твоей власти: ты можешь в мыслях упрекать, осуждать, завидовать, ненавидеть людей и можешь *в мыслях же подавлять эти чувства* и заменять их добрыми. Так что всякая минута твоей жизни твоя, и никто не может отнять её у тебя [21, с. 67].

Толстой: Душа человека живет как будто в стеклянном сосуде, и сосуд этот человек может загрязнить и может держать чистым. Насколько чисто стекло сосуда, настолько светит через него свет истины (*внутренний источник онтичной исчтины*, – МБЗ), – светит и для самого человека, и для других. Для того, чтобы не делать злых дел, мало того, чтобы удерживаться от самих дел (*внимание*: опять ПЕРВАЯ производная, диалектическая логика как основной закон *третьей сигнальной системы*, – МБЗ), надо научиться удерживаться от злых разговоров, а главное – *удерживаться от злых мыслей.* Только если научишься воздерживаться от злых мыслей, будешь в силах воздерживаться и от злых дел [21, с. 68].

Толстой: Хотя и не мысль открыла нам то, что надо любить (а ЧУВСТВО, лежащее в основе деятельности *третьей сигнальной системы*, – МБЗ), – мысль не могла открыть нам этого, – но мысль важна тем, что она показывает нам то, что мешает любви (здесь Толстой высказывает важную научную гипотезу о механизме действия *разума*, – МБЗ). От это-то *усилие мысли* против того, что мешает любви, это-то усилие мысли важнее, нужнее и дороже всего.

Как жизнь и судьба отдельного человека определяется тем, на что мы менее обращаем внимания, чем на поступки, – его мыслями (*внимание*: первая производная! – МБЗ), так и жизнь обществ, людей и народов определяется не событиями, совершающимися среди этих обществ и народов, а теми *мыслями, которые соединяют большинство людей* этих обществ и народов. Все великие перемены в жизни одного человека, а также и всего человечества, начинаются и совершаются в мысли. Для того, чтобы могла произойти перемена чувств и поступков, должна произойти прежде всего перемена мысли (здесь Толстой говорит и меха-

низме действия *разума,* – как единства мысли и чувства, – МБЗ). Плоды рождаются из семени. Так же дела рождаются из мыслей. Как из дурных семян рождаются дурные плоды, так из дурных мыслей рождаются дурные дела. *разумный* человек отгоняет пустые, дурные мысли, но удерживает лучшие и бережет и перебирает их. Только от добрых мыслей добрые дела. Дорожи добрыми мыслями, ищи их в книгах мудрых людей, в разумных речах (*внешний* источник онтичной истины, – МБЗ), и, главное, в самом себе (*внутренний* источник онтичной истины, – МБЗ) [21, с. 69].

Наука (26) (мнение, согласие, истина)

Толстой уверен, что наука составляет сбор случайных, ничем не связанных между собой знаний, часто совсем ненужных, и не только не представляющих несомненной истины, но сплошь да рядом самые грубые заблуждения, ныне выставляемые как истины, а завтра опровергаемые. А потому утверждение о том, что наука заменит религию, совершенно произвольно и основано на ничем не оправдываемой вере в непогрешимую науку, совершенно подобную вере в непогрешимую церковь [21, с. 27].

Толстой уверен, что в науках опытных есть настоящие науки и полунауки, пытающиеся давать ответы на не подлежащие им вопросы. Надо разбираться в том, что говорят и советуют человеку о смысле жизни, а не верить им слепо. Не соблазняться суеверием науки. Вообще, опытные науки строятся как совокупность причинно-следственных цепочек, которыми жизнь человека, бесконечная в своей сущности, охвачена и объяснена быть не может [21, с. 20].

По *Толстому,* неправильная вера, вера в неправильное – суеверие. В последней своей статье «О социализме», написанной в октябре 1910 года, Толстой обратился с заветом к молодым людям XX столетия, к людям будущего: «Надо прежде всего освободиться, во-первых, от суеверия в том, что вы знаете, в какую форму должно сложиться человеческое общество будущего, во-вторых, от суеверия патриотизма..., в-третьих, от суеверия науки, то есть слепого доверия всему тому, что вам передают под формою научной истины, в том числе и разные экономические и социалистические теории, в-четвертых, от главного суеверия,

источника всех зол нашего времени, о том, что религия отжила свое время и есть дело прошлое» [19, т. 38, с. 432]. Толстой был уверен, что его призыв содействует освобождению человека от идеологического рабства. В его время и А.П. Чехов призывал русского человека «выдавливать из себя раба».

Толстой: Всякое выразимое словесно знание есть установление отношений между причинами и следствиями, цепь же причин бесконечна и потому явно, что исследование известного рода причин в бесконечной цепи не может быть основой миросозерцания. Как же быть? Где же взять её? Рассуждение, то есть деятельность ума, не дает такой основы. Нет ли у человека ещё другого, кроме рассудочного, познания? И ответ очевиден: такое совсем особенное от рассудочного, независимое от бесконечной цепи причин и последствий, познание каждый знает в себе. Познание это есть сознание своего духовного «я».

Когда человек непосредственно сам находит это независимое от цепи причин и следствий познание, он называет это сознанием, когда же он находит этот общее всем людям сознание в религиозных учениях, он называет это познание, в отличие от познания рассудочного, верою. Таковы все веры от древних до новейших. Оии дают воспринимающему их *независимые* (от обычных научных, – МБЗ) основы познания, которые одни только и дают возможность разумного миросозерцания. Человек *чувствует эту причину всех причин*, верит в неё, и вследствие этого имеет твердое *знание* о жизни и такое же *твёрдое руководство для своих поступков* [21, с. 32].

Кстати, современные русские *официальные (ваковские)* философы додумались вставить в Программу кандидатского экзамена по философии и истории науки раздел о «вненаучных методах познания» лишь в 2005 году, то есть через сто лет после того, как детальнейшая теория таких методов была разработана другим русским философом – Львом Николаевичем Толстым. Правда, до него уже были Кант с его «априорным» познанием, Лейбниц с его «монадами» и Платон с его «вспоминанием» идей, но их все сто процентов русских философов продолжают и сегодня считать идеалистами, и тому же учат своих студентов и ас-

пирантов с магистрантами. *Толстой хотел отлить свое учение в форму религии,* – чтобы всё население *верило* и *слушалось, исполняло всё как надо*... По-видимому, в его ситуации у него другого выхода не было...

Толстой: Лжеучение, суеверие *науки* в том, чтобы признавать единой, истинной наукой всё то, что считается единой, истинной наукой людьми, в известное время взявшими на себя право определять истинную науку. А как только наукой считается не то, что нужно всем людям, а то, что определяют люди, называющие себя учеными, наука не может не быть ложной. Наука в наше время занимает совершенно то место, которое занимала церковь 200–400 лет назад. Те же признанные жрецы – профессора, те же соборы, синоды в науке, академии, университеты, съезды. То же доверие и отсутствие критики в верующих, и те же среди верующих разногласия, не смущающие их. Те же слова непонятные, вместо мысли и та же самоуверенная гордость [21, с. 63].

Толстой: Наука сделалась разделительницей дипломов на право пользования чужими трудами. Между тем, нет двух вещей, более несогласных, чем знание и выгода, наука и деньги. Если для того, чтобы стать более ученым, нужны деньги, если ученость покупается и продается за деньги, то и покупатель, и продавец ошибаются. Христос выгнал продавцов из храма. Так же должны быть выгнаны продавцы из храма науки.

Главное зло ложной науки в том, что, не будучи в состоянии изучать всё и не зная *что должно изучать,* она изучает только приятное для самих людей науки, живущих неправильной жизнью. Приятнее же всего для них существующий, выгодный для них порядок и удовлетворение праздной любознательности, не требующее больших усилий. Важно не количество знаний, а качество их. Можно знать очень многое, не зная самого нужного [21, с. 66–67].

Образ жизни (15) (толпа, община, братство)

Толстой: Свойства русского народа дают основание думать, что предстоящий переворот в жизни народов должен начаться и должен совершиться не где-нибудь, а именно в России. Русский народ, как и большинство земледельческих

народов, естественно складывается, как пчелы в ульи, в определенные общественные отношения, вполне удовлетворяющие требования совместной жизни людей. Везде, где только русские люди осаживались без вмешательства правительства, они устанавливали между собой не насильническое, а основанное на взаимном согласии, мирское, с общинным владением землей, управление, которое вполне удовлетворяло требованиям мирного общежития. Общинную земледельческую жизнь русский народ считает необходимым условием хорошей жизни [21, с. 141–142].

Толстой: Тот мир, в котором мы сейчас живем, это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны нашими усилиями сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для всех, которые после нас будут жить в нём. Не верь, что жизнь – это только переход в другой мир и что хорошо нам может быть только там. Это неправда. Нам должно быть хорошо здесь, в этом мире. И для того, чтобы нам было хорошо здесь, в этом мире, нам нужно только жить так, как хочет Тот, Кто послал нас в него (то есть нам нужно следовать *онтичной* истине, – МБЗ). И не говори, что для того, чтобы тебе было хорошо жить, надо, чтобы все хорошо жили, жили по-Божьи. Это не правда. Живи сам по-Божьи, сам делай усилие, и самому тебе наверное будет хорошо и другим также от этого будет наверное не хуже, а лучше [21, с. 87].

Толстой: «1. Для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен делать и чего не должен делать. Для того, чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам, тот мир, среди которого он живёт. Об этом учили во все времена самые мудрые и добрые люди всех народов. Учения эти все в самом главном сходятся между собою, сходятся и с тем, что говорит каждому человеку его разум и совесть. Учение это такое:...» [20, с. 27].

Очевидно, что Толстой максимально остро ставит вопрос о том, есть ли добрый человек – «добряк», злой – «злодей»? Ставит проблему соотношения добра и зла. Добро есть сумма всего того, что надо делать в соответствии с онтичной истиной и что люди действительно делают. Зло – сумма всего того что делать не

должно (по меркам онтичной истины), но что люди всё же делают. Имеет место баланс добра и зла: Добро < Зло. Добро = Зло. Добро > Зло.

Зло равно сумме неонтичного поведения. Добро равно сумме онтичного поведения. Получается своеобразный баланс. Гражданский долг каждого жителя страны – стремиться к онтичному поведению, к обладанию системой онтичных ценностей. Тогда я буду вести себя онтично, то есть творить добро и тем самым увеличивать сумму добра в обществе. Добрый человек – онтичен по ценностям и по делам. Общество, где Добро < Зло – деградирует и исчезает с лица Земли. (Вспомним – «подставить щеку», – МБЗ).

Образование (ЗЗ) (эгоизм, человеческий потенциал. человеческий капитал)

Толстой: Благо роста своей личности *всегда* несомненно [21, с. 52]. *Толстой*: Совершенствование, указываемое христианством, бесконечно и никогда не может быть достигнуто. И Христос даёт свое учение, имея в виду то, что полное совершенство никогда не будет достигнуто, но что стремление к полному, бесконечному совершенству постоянно будет увеличивать благо людей, и что благо это поэтому может быть увеличиваемо до бесконечности (*внимание*: Первая производная! – МБЗ).

Толстой: Учение Христа отличается от прежних учений тем, что оно руководит людьми не внешними правилами, а стремленнем к достижению божеского совершенства (то есть оно задает не алгоритмы поведения человека в конкретных обстоятельствах, а только *ценности,* которыми человек должен руководствоваться в своем поведении. Иными словами, уже Иисус сделал попытку возвеличить роль Третьей сигнальной системы в жизни человека, – МБЗ). Идеал (Ценность, – МБЗ) не выдуман кем-то, но лежит в душе каждого человека. Увеличение жизни, по учению Христа, есть *ускорение (внимание*: Первая производная! – МБЗ) движения к совершенству. То есть важно *ускорение, динамика* развития. Исполнение учения Христа – движение от себя к Богу (то есть это совсем новый подход к стратегии образования – необходимо так образовывать образовательные процесс, чтобы наибыстрейшим образом увеличивалось количество

освоенных ребёнком форм культуры, и как можно быстрее происходила в его душе замена анти- и псевдо-ценностей на онто-ценности, – МБЗ).

Толстой: Бывает трудно освободиться от грехов, главное, оттого, что соблазны поддерживают их. Таков соблазн *гордости*. Если вы сильнее, богаче, ученее других, то старайтесь служить людям тем, что у вас есть лишнего против других. Если вы сильнее, помогайте слабым, если умнее, помогайте неумным, если ученее – неученым, если богатые – бедным. Но не так думают гордые люди. Они думают, что если у них есть то, чего нет у других, то им надо не делиться этим с людьми, а только величаться перед ними. Гордые люди так заняты тем, чтобы поучать других, что им некогда подумать о себе, да и незачем: они и так хороши. И потому, чем больше они поучают других, тем все ниже и ниже сами падают. Главное дело в жизни – улучшение своей души (за счет увеличения числа освоенных форм культуры и за чет перехода в них от анти- к псевдо-, а затем и к онто-ценностям, – МБЗ) [21, с. 58].

Обучение (31) (знание, умение, навык)

Толстой: Христианская религия есть то высшее сознание человеком своего отношения к Богу, до которого, восходя от низшей к высшей ступени религиозного сознания, достигло человечество. И потому христианская религия и все люди, исповедующие *истинную* христианскую религию, зная, что они дошли до известной степени ясности и высоты религиозного сознания, только *благодаря непрестанному движению человечества от мрака к свету*, не могут не быть веротерпимыми. Признавая себя в обладании только известной степени истины, которая всё более уясняется и возвышается общими усилиями человечества, они, встречая новые для них, не согласные со своими верования, не только не осуждают их и не отбрасывают их, но радостно приветствуют, изучают, вновь проверяют по ним свои верования, откидывают то, что несогласно с разумом [21, с. 114–115].

Толстой: Деятельность человека, которая влечет его к себе, разделяется на 4 рода:

1. Деятельность мускульной силы, работа рук, ног, плеч, спины, тяжелый труд, от которого вспотеешь.

2. Деятельность пальцев и кисти рук, ловкости мастерства.

3. Деятельность ума и воображения.

4. Деятельность общения с другими людьми.

И те блага, которыми пользуется человек, тоже можно разделить на 4 рода. Поэтому лучше всего было бы так устраивать занятия дня, чтобы чередовать все 4 способности человека, чтобы было сознание обязанности на труд (практически, Толстой предлагает формировать и развивать человеческий капитал, делая это так, чтобы с самого начала он был включен в рациональное использование в народном хозяйстве, – МБЗ).

Общительность (29) (слухи, болтовня, польза)

Толстой: В человеке увеличивается любовь, то есть он совершенствуется, – только тогда, когда он делает добрые дела и вызывает любовь в других людях. В этом одно из существеннейших свойств самосовершенствования. Отсюда легко заключить, что всякое устройство, всякое определение, всякая остановка сознания на каком-нибудь состоянии есть преобладание заботы и увеличение в себе любви совершенствования без добрых дел. Самая грубая форма есть стояние на столбу. Но *всякая форма* есть более или менее такое стояние (из двух логик, Толстой явно отдает предпочтение не формальной, а диалектической, – МБЗ).

Всякая форма отделяет от людей, следовательно, и от возможности добрых дел и вызывания в них любви. Таковы и религиозные общины. И это их недостаток, если признать их постоянной формой. Стояние на столбу, и ухождение в пустыню, и житие в общине может быть нужно временно людям, но как постоянная форма это очевидный грех и неразумие. Жить чистою, святою жизнью на столбу или в общине нельзя, потому что человек лишен одной половины жизни – общения с миром, без которого его жизнь не имеет смысла.

Толстой: Вся плотская жизнь организма с её пищей, ростом, продолжением рода есть по отношению истинной жизни (растущей) (*внимание*: Первая произ-

водная! – МБЗ) разрушительный процесс. Ведь не только нет никакой возможности просвещать и исправлять других, не просветив и не исправив себя до последних пределов своей возможности, но нельзя и просвещать и исправлять себя в одиночку, а всякое истинное просвещение и исправление себя неизбежно просвещает и исправляет других, и только одно это средство действительно просвещает и исправляет других вроде того, как загоревшийся огонь не может светить и согревать только тот предмет, который сгорает в нём, но неизбежно светит и греет вокруг себя только тогда, когда горит.

В утверждении же, что совершенствование есть эгоизм и что для совершенствования нужно будто бы уходить из жизни, заключается великая неправда, так как совершенствоваться можно только в жизни и в общении с людьми.

Опредмечивание идей (40) (проект, модель, изделие)

Толстой: Церковь есть собрание людей, утверждающих про себя, что они обладают несомненной истиной. Ересь есть мнение людей, не признающих несомненность истины церкви [21, с. 114].

Память (34) (память, обидчивость, обязательность)

У Толстого был очень любимый брат. Он умер. *Толстой*: Мой друг, брат жил как я. И теперь перестал жить так, как я. Жизнь его была его сознание и происходила в условиях его телесного существования. Мой брат умер, и я не вижу его в той форме, в которой я до этого видел его, но исчезновение его из моих глаз не уничтожило моего отношения к нему. У меня осталось, как мы говорим, воспоминание о нем. Осталось воспоминание, – не воспоминание его рук, лица, глаз, а воспоминание его духовного образа. И воспоминание тем *живее*, чем согласнее была жизнь моего друга и брата с *законом разума*, чем больше она проявлялась в любви. Воспоминание это не есть только представление, но что-то такое, что действует на меня точно так же, как действовала на мня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, чего оно требовало от меня при его жизни. Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась и сильнее, чем прежде,

действует на меня. Его особенное отношение к миру (система ценностей, – МБЗ) становится моим отношением (моей системой ценностей, – МБЗ). Он как бы в установлении отношения к миру (системы духовных ценностей, Третьей сигнальной системы, – МБЗ) поднимает меня на ту ступень, на которую он поднялся. И мне, моему особенному живому Я, становится яснее та следующая ступень, на которую он уже вступил, скрывшись из моих глаз, но увлекая меня за собою.

Христос умер очень давно, и плотское существование его было очень короткое. Мы не имеем представления о его плотской личности, но сила Его разумно-любовной жизни, Его отношение к миру (Его система духовных ценностей, – МБЗ) – ничто иное – действует до сих пор на миллионы людей, принимающих в себя это Его отношение к миру (Его систему светских духовных ценностей, – МБЗ) и живущих им. Христос открыл людям, что вечное – не то же, что Б*удущее*, но что вечное, невидимое живет в нас сейчас, в этой жизни, что мы становимся вечными, когда мы соединяемся с тем Богом духом (с *онтичной* истиной, – МБЗ), в котором всё живет и движется. Достигаем мы этой вечности любовью. И какой бы тесный ни был круг деятельности человека – Христос он, Сократ, добрый, безвестный, самоотверженный старик, юноша, женщина, если он живет, отрекаясь от личности для блага других, он здесь, в этой жизни уже вступает в то новое отношение к миру (приобретает ту новую систему светских духовных ценностей, – МБЗ), для которого нет смерти и установление которого есть для всех людей дело этой жизни [21, с. 91–92]. По сути дела, Толстой утверждает, что система светских духовных ценностей – это особый вид *памяти,* присущий только человеку.

Пол (43) (изоляция полов, союз полов. единство полов)

«Не смотри на красоту плотскую как на потеху, вперед избегай этого соблазна» (Мф. V, 32) (*внимание*: Опережающее отражение действительности, Первая производная, Третья сигнальная система, – МБЗ).

В главе «Половая похоть» Толстой выступает против чувственной любви мужчины и женщины, утверждая, что такая любовь – «голос животного». Взяв

за основу слова Христа «Лучше не жениться» (Мф., XIX, 10), Толстой пишет: «Если люди женятся, когда могут не жениться, то они делают то же, что делал бы человек, если бы падал, не споткнувшись. Если споткнулся и упал, то что же делать, а если не споткнулся, то зачем же нарочно падать? Если можешь без греха прожить целомудренно, то лучше не жениться».

Толстой: Во всех людях – женщинах и мужчинах – живет Дух Божий. Какой же грех смотреть на носителя Духа Божия, как на средство удовольствия! Всякая женщина для мужчины прежде всего должна быть сестрою, и всякий мужчина для женщины – братом. Неиспорченному человеку всегда бывает и отвратительно и стыдно думать и говорить о половых сношениях. Надо беречь это чувство. Оно не даром вложено в душу людей. Чувство это помогает человеку удержаться от греха *блуда* и соблюсти свое целомудрие.

Хотя только редкие люди могут быть вполне целомудренны, пусть всякий человек понимает и помнит, что он всегда может быть более целомудрен, чем он был прежде, и может вернуться к нарушенному целомудрию, и что чем больше приблизится человек к полному целомудрию, тем больше он сам получит для себя истинного блага и тем более он будет в состоянии служить благу ближних. По учению Христа, человек вообще должен стремиться к полному целомудрию. Некоторые думают, что при этом может уничтожиться род человеческий. Но не надо здесь всё абсолютизировать. Главное средство борьбы с похотью – это сознание человеком своей духовности [21, с. 55–56].

Политика (24) (волюнтаризм, авторитаризм, надежда)

Толстой: Люди видят, что в их жизни что-то нехорошо им что-то надо улучшить. Улучшить же человек может только то одно, что в его власти, – самого себя. Но для того, чтобы улучшить самого себя, надо прежде всего признать, что я не хорош, а этого не хочется. И вот всё внимание обращается не на то, что всегда в твоей власти, – на себя, а на те внешние условия, которые не в нашей власти и изменение которых так же мало может улучшить положение людей, как взбалтывание вина и переливание его в другой сосуд не может изменить его ка-

чество. И начинается, во-первых, праздная, а во-вторых вредная, гордая (*мы исправляем других людей) и злая (можно убить людей, мешающих общему благу*), развращающая деятельность. Так возникает соблазн *насилия*. Главный вред соблазна устроительства жизни других людей насилием в том, что как только человек допустил возможность совершить насилие над одним человеком во имя блага многих, так нет пределов того зла, которое может быть совершено им во имя такого предположения. На таком же предположении основывались в прежние времена пытки, инквизиция, рабство, в наше время – суды, тюрьмы, казни, войны, от которых гибнут миллионы.

Когда дело идет о других, то кажется, что стоит только приказать и припугнуть, и другие сделаются такими, какими мы хотим, чтобы они были. Только те люди, которым выгодно властвовать над другими людьми, могут верить в то, что насилие может улучшить жизнь людей. Из представления о возможности насилием устраивать жизнь других людей вытекает другой соблазн – возмездия или *наказания*. Люди по злости, по желанию выместить обиду, по ложному представлению об ограждении себя, делают зло, а потом, чтобы оправдаться, уверяют людей и себя, что они делают это только ради того, чтобы исправить того, кто сделал им зло [21, с. 60].

Право (11) (блат, милосердие, справедливость)

Толстой: Не только в государственных и международных, но и в экономических отношениях современное человечество руководится теми основами, которые были годны людям три и пять тысяч лет тому назад и которые прямо противоречат и теперешнему нашему сознанию, и тем условиям жизни, в которых мы находимся [21, с. 143].

Толстой: Сила, с которой мы убеждены в чем-нибудь, полная, совершенная, непоколебимая, бывает не тогда, когда доводы логически неотразимы, и не тогда даже, когда чувство совпадает с требованиями ума, а только тогда, когда человек опытом убеждается, испытав противоположное, что есть только один путь. Такое убеждение нам дается о том, что жизнь есть только одно: следование воле Бога (*онтичной истине*, – МБЗ).

Исполнение воли Бога (следование Онтичной истине, – МБЗ) – дело жизни. Но в чем воля Божья (Онтичная истина, – МБЗ)? Чтобы узнать волю Отца (Онтичную истину, – МБЗ), надо узнать истинную, основную СВОЮ волю. Она, сыновья воля, всегда совпадает с отцовской (поскольку главный источник ОНТИЧНОЙ истины для человека – его *внутренний,* – МБЗ). Очень обычная ошибка полагать цель жизни в служении людям, а не в служении Богу (Онтичной истине, – МБЗ).

Толстой приводит в «Круге чтения» (19 сентября, №5) и в «Пути жизни» (глава «Насилие», отдел III, №7) слова Паскаля: «Из того, что возможно насилием подчинять людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинять людей насилию».

Толстой: Но в чем состоит равенство? Равенство – это признание за всеми людьми мира одинаковых прав на пользование естественными благами мира, одинаковых прав на блага, происходящие от общей жизни, и одинаковых прав на уважение личности человека [21, с. 59].

Толстой: Всякий человек, сделавший дурное, уже наказан тем, что лишен спокойствия и мучится совестью. Если же он не мучится совестью, то все наказания, которые могут наложить на него люди, не исправят его, а только озлобят. В нашем обществе существует некоторый порядок не потому, что есть судьи, прокуроры, следователи, тюремщики, палачи, солдаты, судящие, наказывающие других людей, а потому, что несмотря на развращение, производимое всеми этими правительственными людьми, люди всё-таки жалеют и любят друг друга [21, с. 61].

Толстой: Все люди имеют равное право на землю и каждый человек имеет неотъемлемое право на свой труд [21, с. 162].

Производство (23) (количество, качество, план)

Толстой: Это старый вопрос пользования одними людьми трудом других. Прежде пользовались трудом других прямо насилием, рабством. В наше время это делается посредством собственности. Собственность в наше время есть корень всего зла. Делением, обеспечением собственности занят весь мир. Что же

такое собственность? По смыслу слова, это то, что дано, принадлежит одному мне исключительно, то, с чем я могу сделать всегда всё, что хочу, то, чего никто не может отнять у меня, что остается моим до конца моей жизни. Это то, что я именно должен употреблять, увеличивать, улучшать. Такая собственность для каждого человека есть только он сам (гениально! Толстой закладывает основы учения о человеческом капитале, – МБЗ) [21, с. 144–145].

Толстой: Свойство труда таково, что удовлетворение всех потребностей человека требует чередования разных родов труда, которое делает труд не тягостью, а радостью [21, с. 159].

Пространство (4) (линия, площадь, объем)

Толстой: Чаще и чаще просыпаются люди к разумному сознанию (в моей терминологии – «личному» сознанию, в отличие от «публичного», – МБЗ), оживают в гробах своих, – и основное противоречие человеческой жизни, несмотря на все усилия людей скрыть его от себя, со страшной силой и ясностью становится перед большинством людей (вот оно – «единство и борьба противоположностей» внутри самой психики человека – между чувственным и рациональным познанием, между личным и публичным сознаниями, – МБЗ).

Толстой: Человек не может не верить своему личному сознанию, даже если оно противоречит публичному сознанию. При этом, правда, человек чувствует, что он «раздваивается» (известный феномен в психологии и психиатрии «раздвоения личности», – МБЗ). Ложное понимание убеждает человека с самого начала, что жизнь его есть период времени от рождения до смерти его биологического тела, и глядя на видимую жизнь животных, он смешивает представление о видимой жизни со своим личным сознанием. В действительности же *истинную* жизнь нашу составляет только сознание того духовного существа, которое *пространственно* отделено (обособлено, – МБЗ) от всего остального и *заключено в пределах тела* и его *движения* (приведу, – для облегчения понимания этого тезиса, подсказывающий вопрос: Как вы думаете, компьютер «живет» с даты своего выпуска на заводе («день рождения компьютера») до даты сдачи его в утиль

(«день смерти компьютера») или только в то время, когда его программы правильно работают, принося пользу владельцу компьютера? – МБЗ).

По мнению Толстого, духовное – это существо, всегда равное самому себе (поскольку оно представляет в теле человека *абсолютную истину* (*Бога*) и не подлежит изменениям ни в *пространстве, ни во времени*). Движутся же только пределы, в которых оно находится. Так что люди приписывают два различных значения слову «жизнь». Одно значение есть понятие движущейся, отделенной от всего остального материи (своего тела, – МБЗ), признаваемой человеком собою, и второе – неподвижное, всегда равное себе духовное существо, которое человек тоже признает собою (этот факт я фиксирую фразой: «Каждый человек равен Вселенной», – МБЗ). Понятия эти кажутся различными, но в сущности это не два, а только одно понятие – понятие сознания себя *духовным существом, заключенным в пределы*.

Признание жизнью пространственного и временного существования отделенного (от Вселенной, от *онтоса*, – МБЗ) существа, есть, по Толстому, только недодуманность. Если же все додумать до конца, то станет ясно, что сознание себя обособленным от всего существом возможно только для духовного существа, поскольку оно является *особенным* того *всеобщего*, что есть *онтос*, Космос, Вселенная. Человеческое же тело ничего *особенного* из себя не представляет, то есть в принципе не *обособлено с самого начала*. То есть и не живет – в человеческом смысле этого слова.

Только ложное учение о человеческой жизни, как о существовании животного от рождения до смерти, в котором сейчас воспитываются и поддерживаются почти все люди, производит то мучительное состояние раздвоения, в которое вступают люди, когда обнаруживают в себе *личное* сознание [21, с. 33–34].

Разум (53) (анализ, ничто, синтез)

Толстой: Учение о жизни людей эмансипировалось от церкви и установилось независимо от неё [21, с. 109].

Толстой: Разум дан человеку непосредственно от Бога и он один только может соединить всех людей, тогда как предания человеческие не соединяют, а разделяют людей, и потому человек должен не только не бояться сомнения и вопросов (развивая свое критическое и смысловое мышление, – МБЗ), вызываемых разумом при проверке внушенных с детства верований, а, напротив, старательно подвергать рассмотрению и сличению с другими все те верования, которые переданы ему с детства. Признавать справедливым надо только то, что не противоречит разуму, как бы ни было торжественно обставлено и старо передаваемое предание [21, с. 117].

Толстой: Истнная вера никогда не бывает неразумная, несогласная с существующими достоверными знаниями. Свойством её не может быть сверхъестественность и бессмысленность, как это часто думают. Напротив, утверждения настоящей веры, хотя и не могут быть доказаны, никогда не только не содержат в себе ничего противного разуму и несогласного с знаниями людей, а всегда разъясняют то, что в жизни без положений веры представляется неразумным и противоречивым (это – принцип тройственной дополнительности, – МБЗ) [21, с. 106].

Толстой: Каким образом мог человек с пробудившимся разумом признать ложь истиной? Несомненно, разум его должен был быть извращен, потому что не извращенный разум безошибочно отличает ложь от истины, в чем и состоит его назначение. Извращение разума состоит в обманах веры [21, с. 98].

Религия (7) (суеверие, идолопоклонство, вера)

Толстой пишет, что религиозное основание есть неизбежное условие какого бы ни было разумного, ясного и плодотворного учения о жизни. Он убежден, что религия как была, так и останется главным двигателем, сердцем жизни человеческих обществ, и без неё, как без сердца, не может быть *разумной* жизни. Только для этого религия должна быть *истинной* [21, с. 27].

Толстой: «Всегда во все века люди жаждали знать или иметь по крайней мере какое-нибудь понятие о начале или конечной цели своего земного существования, и религия явилась, чтобы удовлетворить этому требованию их и

чтобы осветить ту связь, которая соединяет всех людей как братьев, имеющих один общий источник происхождения, одну общую задачу жизни и одну общую конечную цель» [19, с. 13–14].

Толстой: Религиозное понимание говорит: есть прежде всего и несомненнее всего известное нам неопределенное (вербально, – МБЗ) нечто; нечто это есть наша душа и Бог. И нам ничего не остается, как верить в это. И вот эта вера составляет первое и необходимейшее условие (то, что И. Кант называет априорным знанием, – МБЗ) истинного знания. Таковы учения Зороастра, браминов, Будды, Лаодзе, Конфуция, Христа. (*онтично* истинного, потому что *триада* чувство (единичное) – душа (особенное) – Бог (общее) – это тоннель, открывающий нам путь к познанию *внутренней* онтичности, – МБЗ).

Христианство было и остается основой развития русской культуры. Эта мысль – в центре внимания философской трилогии Толстого. Но Толстой уделяет внимание и другим религиям – Исламу Иудаизму, Буддизму и Даосизму. Толстой демонстрирует экуменический подход, объединяющий все религии и философии в единое целое на основе общечеловеческих морали и норм жизни.

Вера – и не только религиозная -- важнейший принцип всего мировоззрения Толстого. Для него вера – это в то же время страстная убежденность в идеалах добра и справедливости. Эта убежденность лежит в основе всякой толстовской мысли: «... человек не может жить без веры» [19, т. 41, с. 13]. Он превозносил веру в знание (в онтичную истину, – МБЗ). Толстой: «Жизнь человека без веры – жизнь животного» (то есть жизнь человека без третьей сигнальной системы, позволяющей человеку достоверно «заглядывать» в будущее, – Толстой ценил невысоко, – МБЗ).

У Толстого есть произведение «Верьте себе». Он имеет в виду, что каждый из нас – это надежный источник онтичной истины. В то же время он призывает не верить многому из того, что вокруг нас, – поскольку степень онтичности окружающей нас социальной действительности сравнительно невысока.

Толстой: Религия – это нечто, известное нам по внутреннему опыту, а не по внешнему [21, с. 25]. В основе религии лежит сознание человеком своей конечности среди бесконечного мира и своей греховности, то есть неисполнения всего того, что он мог бы и должен был сделать, но не сделал (то есть не поднялся от А1 до С3, например, – МБЗ) было и всегда будет, до тех пор, пока человек останется человеком.

Маркс говорил, что нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Так вот общество-то всё время меняется, а человек-то за ним не успевает, отсюда и получается «греховность», о которой человек каким-то образом узнает. Интересно, какой механизм этого узнавания?

Наука по самой цели своей – исследования всего существующего – не может дать никакого руководства в жизни людей. Религия же как была, так и останется главным двигателем, сердцем жизни человеческих обществ, и без неё, как без сердца, не может быть разумной жизни [21, с. 27].

Толстой: В мире существуют множество религий. Они различны по своим внешним формам, но все одинаковы в своих основных началах. И вот это-то основные начала всех религий составляют ту истинную религию, которая одна в наше время свойственна всем людям и усвоение которой одно может спасти людей от их бедствий. Эта истинная религия есть прежде всего открытие высшего, общего всем людям закона, дающего им в данное время наибольшее благо (то есть *онтичный* закон, – МБЗ).

Истинная религия есть такое отношение человека к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками. Любая религия устанавливает такое отношение (*духовная* жизнь – это и есть жизнь по законам третьей сигнальной системы, – МБЗ). Всякое религиозное учение есть выражение основателем религии того отношения, в котором он признает себя как человека, а вследствие этого и всех остальных людей, к миру или началу и первопричине его. Человечество живет давно и как преемственно выработало свои практические приобретения (все формы культуры, – МБЗ), так не могло не выработать тех духовных начал (то есть ценностей, –

МБЗ), которые составляли основы его жизни, и вытекающих из них правил поведения. То, что ослепленные люди не видят их, не доказывает того, что их не существует.

Толстой: Люди еще окончательно не озверели только потому, что лучшие люди всех народов, хотя и бессознательно, но держатся этой одной религии и исповедуют её. Положения этой истинной религии до того свойственны людям, что как только они сообщены им, то принимаются ими как что-то давно известное и само собою разумеющееся. И положения эти просты, понятны и не многосложны. Нужно и дорого разрешение противоречия конечного с бесконечным (*внимание*: Первая производная! – МБЗ) и такой ответ на вопрос жизни, при котором возможна жизнь.

Толстой: *церковь* – губительное суеверие с которым сталкивается человек. Христос проповедовал непрестанное приближение к совершенству (то есть духовный рост от уровня *общей культуры* А1 к … С3, – МБЗ). Большинство же людей, извращенно понимающих учение Христа, понимают церковь как собрание избранных, лучших людей. Но кто лучший, кто худший? Как же нам, таким пёстрым существам, составлять собрание избранных, праведных? Надо просто всеми силами стремиться к свету истины, объединяющему всех, а насколько мы близки к нему и объединены – не нам судить [21, с. 64–65].

Толстой: Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с изобличения религиозной лжи и установления религиозной истины в себе каждым отдельным человеком. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан. VIII, 32).

Теория нового язычества.

Толстой: Христианская церковь признала и освятила всё то, что было в языческом мире: и развод, и рабство, и суды, и все те власти, которые были, и войны, и казни, и требовала при крещении только словесного, и то только сначала, отречения от зла. Потом, при крещении младенцев перестала требовать даже и этого. Церковь, на словах признавая учение Христа, в жизни прямо отрицает его [21, с. 108].

Толстой: Как ни странно это может показаться людям, никогда не думавшим об этом, понимание жизни какого бы то ни было язычника, признающего вербально необъяснимое начало всего, олицетворяемое им в каком бы то ни было идоле, – как бы неразумны ни были его понятия об этом необъяснимом начале, – такое понимание жизни всё-таки несравненно выше жизнепонимания философа, не признающего неопределимых основ познания. Религиозный язычник признает нечто неопределимое, верит, что оно и есть основа всего, и на этом неопределимом хорошо или дурно строит всё своё понимание жизни, подчиняется этому неопределимому и руководится им в своих поступках. Философ же, пытаясь определить то, что определяет всё остальное и потому не может быть определено, не имеет никакого твёрдого основания ни для построения своего понимания, ни для руководства в своих поступках [21, с. 31–32].

Внимание: В этом фрагменте заложена гениальная догадка Толстого: *язычество – это не прошлое, а будущее религии*. В самом деле, достаточно предположить дифференциацию *святости*, признать, что *истинная, онтичная* ценность каждой из форм культуры, освоенных данным обществом или отдельным человеком, – *божественна,* – и вот перед нами новая современная религия с количеством богов, равным количеству освоенных форм культуры. Надо сказать, это – просто потрясающая перспектива развития современного религиозного сознания.

Род (44) (умирание, существование, рождение)

Толстой: Христос признает существование обеих сторон параллелограмма, обеих вечных, неуничтожимых сил, из которых слагается жизнь человека: силу животной природы и силу сознания сыновности Богу (следования *онтичной* истине, – МБЗ). Не говоря о силе животной, которая, сама себя утверждая, остается всегда равна сама себе и находится вне власти человека, Христос говорит только о силе Божеской. Призывая человека к наибольшему сознанию её, к наибольшему освобождению её от того, что задерживает её, и к доведению её до высшей степени напряжения [21, с. 53].

Рынок (9) (жадность, выгода, честность)

Толстой: Грех *корыстолюбия* состоит в приобретении всё большего и большего количества предметов или денег, нужных другим людям, и в удержании в своей власти этих предметов или денег для того, чтобы пользоваться по своему желанию чужими трудами. Только человек, уверенный в том, что он не такой же человек, как все, а лучше их, только такой человек может со спокойной совестью владеть богатством среди бедных. Только мыслью о том, что он лучше других людей, может такой человек оправдывать сам перед собою богатство среди бедных. Но... «Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и *истиной*» (1 Послание Иоанна, III, 17–18). «С какими усилиями и грехами наживается и бережется богатство!» – восклицает Толстой.

Самосознание (3) (оно, мы, я)

Толстой: Переворот, предстоящий теперь человечеству, состоит в освобождении себя от обмана повиновения человеческой власти (то есть внутренний источник в человеке *онтичной* истины настолько достоверен и надежен, а внешний настолько недостоверен и ненадежен, что людям следует доверять именно своему внутреннему источнику истины, – МБЗ). И так как сущность *этого переворота* (здесь Толстой имеет в виду *третью мировую революцию*, – МБЗ) совсем иная, чем сущность всех прежде бывших в христианском мире революций, то и деятельность людей, участвующих в этом перевороте, не может не быть совсем иною, чем деятельность участников прежних революций.

Исповедание христианства даёт людям возможность достижения того улучшения жизни, которого они тщетно ищут через изменение внешних форм жизни. Изменение внешних форм всегда есть только последствие изменения сознания (*внимание*! – Первая производная, – МБЗ). Только в той мере улучшится жизнь, в которой это изменение основано на изменении сознания, то есть в той мере, в которой в сознании людей закон насилия заменился законом любви. Все усилия людей, желающих улучшить жизнь, должны быть направлены на изменение сознания своего и других людей [21, с. 135–136].

Обращаясь к юношам и девушкам, только вступающим в жизнь, Толстой пишет: «Не верьте тому особенно усилившемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека – это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время обществе, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию».

Согласно Толстому, у человека – два «сознания» – «личное» и «публичное», поскольку у него *два* источника онтичной истины – внутренний и внешний. По-настоящему может человек доверять лишь своему внутреннему источнику познания. Внешнему полное доверие – это Суеверие! Об этом необходимо помнить сегодня, чтобы понять исторический опыт духовности в России: Россия прошла через многочисленные эпохи смены ценностных ориентаций. Вспомнить об этом важно, поскольку «... сегодня идёт речь о выборе нами тех или иных целей-смыслов развития нас самих, о возрождении утерянной способности к саморефлексии и чуткости к духовным критериям в оценке собственной судьбы» [3, с. 92].

Некоторые культурологи утверждают, что в русском мировоззрении властвуют полярные ценности [3, с. 92]. Древняя Русь не прошла стадию устоявшейся мифологической культуры (её главный признак – развитые цивилизационные структуры, сконцентрированные в городах). Ко времени христианизации Древня Русь – военный союз отдельных славянских и угрофинских племен, без выраженных намёков на государственность. «Племена ещё не образовали общего этноса, не закрепили за собой определенной территории, они тяготели к миграции и не были стеснены недостатком пространства» [3, с. 93]. Это – типичный переход от цивилизационно-экономической формации А3 к В1, по моей трехчастной периодизации исторического развития [8].

После официальной и довольно насильственной христианизации у нас начало формироваться и развиваться «двоеверие» – своеобразная смесь христианства с язычеством. В XII веке Киевская Русь перестала существовать как государство. На 200 лет упоминание о «русах» ушло из европейских исторических документов. Но в это время, под властью Золотой орды продолжал постепенно

формироваться собственно русский этнос. Древний славянский язык, обогащенный угрофинскими и тюркскими корнями, преобразился в собственно русский. Возникновение 600 лет назад Московской Руси как нового христианского центра в Восточной Европе имело в своем фундаменте двоеверие. Это особое мировоззрение, с которым сегодня следует серьёзно считаться, последовательно осуществляя теоретический и практический синтез христианства с современным язычеством, основы которого заложил Л.Н. Толстой. В гуще народных масс такой синтез осуществлялся постоянно на всем протяжении истории России: Сам народ с гордостью называл свою родину Святой Русью.

О массовом распространении христианства на Руси можно только начиная с XIV–XV веков. С этого времени начинается и образование собственно русской народности. Из восточной ветви славянского языка начал выделяться и складываться новый *русский* язык, впитавший в себя также корневую систему волжских народов, вошедших в новый этнос [3, с. 98]. С этого времени самосовершенствование, самопожертвование как виды духовного творчества начали пользоваться глубоким уважением в русском народе, стали обозначаться словом «святость». В этом большую роль сыграл Сергий Радонежский со своим служением образу *троицы* (речь идет о согласии Природы – Отца, народа – Сына и человека – носителя Святого духа, – МБЗ).

Святитель Алексий и игумен Сергий Радонежский глубоко повлияли на характер духовности в Московской Руси. Новые идеи воспитания реализовывались в новых монастырях. Сергий Радонежский основал в 1340-е годы Троицкий монастырь близ Москвы, создав в нем образцовую школу духовности и святости В *духе раннего христианства*. Историк В.О. Ключевский назвал его «нравственным воспитателем народа», создавшим «*практическую* школу благонравия». Главной заботой Сергия была «троичная» педагогика, правда, он не писал книг. Он стал учителем, воспитателем и просветителем целого народа. Он стал инициатором создания 9 монастырей вокруг Москвы, в которых настоятелями поставил своих первых и любимых воспитанников. К концу XIV века в России было

уже 40 очагов *раннего* христианского миросозерцания, книжной культуры и новых форм хозяйствования. Благодаря Сергию Радонежскому произошло самоосознание русского народа как народа *христианского*, живущего в *святой* Руси и руководствующегося учением о *троице* в указанном выше смысле. Я считаю это обстоятельство чрезвычайно важным при строительстве сегодня *новой России*, поскольку именно это время следует считать моментом *духовного самоосознания русского народа*. Отметим, что именно на такой национальной самоидентификации настаивал и 500 лет спустя Л.Н. Толстой. И сегодня – 600 лет спустя – настаиваю я (напоминаю, что я пишу «я» не из желания себя возвеличить, а от нужды взять на себя всю полноту ответственности за сказанное, – МБЗ). Нет сегодня никакой иной основы для создания нового цивилизационного кольца для современной и будущей России, кроме системы светских духовных ценностей *раннего христианства*.

Семья (16) (секс, удобство, саморост)

Толстой: Христос даёт заповедь против соблазнов половых отношений. Не смотри на красоту плотскую, как на потеху, вперед избегай этого соблазна (Мф. VI, 28–30). Идеал – полное целомудрие даже в мыслях; заповедь, указывающая степень достижения, ниже которой вполне возможно не спускаться – чистота брачной жизни, воздержание от блуда [21, с. 75] (*внимание*: Первая производная! – МБЗ).

Толстой: Никакой род преступлений людских против нравственного закона не скрывается с такою тщательностью людьми друг перед другом, как преступления, вызываемые половой похотью. Она из всех похотей самая сильная, выражающаяся в влюблении, в ласках, онанизме и совокуплении. Она всегда очень скоро доходит до этого, всегда одного и того же. Когда эти наслаждения уже нельзя заменить чем-то новым, более сильным, то начинается искусственное усиление этого самого наслаждения посредством одурманивания себя – вином, табаком, чувственной музыкой. Это путь такой обычный, что по нему, за редкими исключениями, идут все молодые люди – и богатые, и бедные, и, если вовремя останавливаются, то отправляются к настоящей жизни более или менее

искалеченные или – погибают совершенно. Все бедствия, порождаемые половыми отношениями-влюбленностями, происходят только оттого, что мы смешиваем плотскую похоть с духовной жизнью, с – страшно сказать, – с любовью. Употребляем разум не на то, чтобы осудить и определить эту страсть, а на то, чтобы разукрасить её павлиными перьями духовности [21, с. 165–166].

СМИ (28) (сенсация, пропаганда, правда)

Толстой: Существенным средством удержания Правителя у власти является гипнотизирование людей. Оно состоит в том, чтобы задерживать духовное развитие народа и различными внушениями поддерживать его в отжитом уже человечеством понимании жизни, на котором и зиждется власть правительств. Начинается эта гипнотизация с первого возраста, когда в нарочно для этого устроенных и обязательных школах, детям усиленно внушаются отжившие бессмысленные и кощунственные религиозные, а также общественные предания. Всеми силами внушается и поощряется патриотическое суеверие, состоящее в признании исключительной значительности одного своего народа и величия одного своего государства и правителей его – суеверие, располагающее к недоброжелательству (ксенофобия, – МБЗ) и даже ненависти к другим народам. Кроме того, всеми правительствами без исключения скрывается от народа всё, могущее освободить его, скрывается различными средствами, как то писательство, поддерживающее народ в его дикости религиозных и патриотических суеверий, всякого рода чувственные увеселения, зрелища, цирки, театры и всякие даже физические средства одурения, как то табак, водка, составляющие главный доход государства. [21, с. 130].

Толстой: Только заботой о чужом мнении можно объяснить себе самый обыкновенный, и вместе с тем, и самый удивительный поступок людской: ложь. Человек знает одно и говорит другое. Зачем? Нет другого объяснения, как только то, что он думает, что если он скажет правду, люди не похвалят, а если солжет, люди похвалят его. Но в человеке есть свой суд – совесть. Дорожить надо только её оценкой. Самое главное для тебя то, как ты сам себя понимаешь, потому что

от этого ты будешь или счастлив, или несчастлив, а никак не от того, как другие будут понимать тебя [21, с. 62].

Толстой: Если наша жизнь не согласна с правдой, то всё-таки лучше признать правду, чем скрывать её. Потому что жизнь свою мы можем изменить по правде. Правду же мы ничем изменить не можем: она останется, какой была и не перестанет обличать нас [21, с. 72].

Соборность (48) (соло, коллективность, ансамбль)

Христианское учение открывает человеку то, что сущность его жизни есть не его отдельное существо, а Бог, заключенный в этом существе (словами атеиста – *абсолют, онтос,* – МБЗ). Бог же этот сознается человеком разумом и любовью. Человек говорит себе: «Бог – это неограниченное всё то, что я знаю в себе ограниченным; я – нечто ограниченное, Бог – нечто бесконечное; я – существо, жившее столько-то лет, Бог – существо, живущее вечно; я – существо, мыслящее в пределах моего понимания, Бог – существо, мыслящее беспредельное; я – существо, любящее иногда немного, Бог – существо, любящее бесконечно. Я – часть, Он – всё. Я себя не могу иначе понимать, как частью его» [21, с. 43] (а следовательно и Его – как общее моего частного, – МБЗ). То есть как отдельное, единичное от *общего*. Но «мышление» *в третьей сигнальной системе соуществляется по законам не формальной, а диалектической логики*. Поэтому одновременно с единичным, отдельным, частным и общим мне дано и *особенное*. Это особенное я не мыслю, не понимаю в обычном человеческом смысле. Я его чувствую достоверно как нечто *обязательное*, неизбывное. Другими словами, *соборность*, стремление к ней так же обязательны для верующего христианина, как и сам Бог, и само бытие человека.

Но из этого достоверного наблюдения Толстой делает вывод, что нет Бога-творца, поскольку Божеское родится в психике человека путем абстрагирования, обобщения его внутренних чувств. Родившись как *догадка*, Божеское во мне (единичное, – МБЗ) подтверждается достоверным наблюдением того, что и в душах всех других ДОБРЫХ людей Божеское родится и проявляется в их доброте

и любви (становясь для меня *особенным*, а для всех людей *доброй воли – всеобщим*, – МБЗ). Таким образом, не Бог сотворил *нас, а мы соборно сотворили бога*. «Бога Творца нет. Есть я, познающий данными мне орудиями чувств мир и знающий внутреннего моего Отца Бога (то есть *онтос*, сделавший меня возможным и содержащий меня действительным, живущим, – МБЗ). Он – начало меня духовного. Мир внешний есть только мой предел» (там же).

Толстой: Бога знаешь не столько разумом, даже не сердцем, но по чувствуемой полной зависимости от Него, вроде того чувства, которое испытывает грудной ребенок на руках матери. Он не знает, кто его держит, кто кормит, кто греет, но знает, что есть этот кто-то, и мало того что знает, – любит его. И мы видим, что самый строгий и последовательный агностик, хочет он или не хочет этого, признает Бога, признает высший закон своей жизни (её растворенности в *онтосе* и полной зависимости от Него, – МБЗ).

Толстой: Всё, что мы знаем, мы знаем потому, что есть *Бог* (*абсолют, онтос*, – МБЗ) и мы знаем его. Только на этом можно основываться твёрдо и в отношениях к людям и к себе, и к внеземной и вневременной жизни. И это не только не мистично, но, напротив, противоположный взгляд есть мистицизм, а это – одна самая понятная и всем доступная реальность (основа нашей человеческой *соборности*, – МБЗ) [21, с. 45].

Суммирование ощущений от артифактов культуры (идеяизация) (39) (поиск, инвариант, идея)

Самым ярким и глубоким проявлением вербального абстрагирования, по Толстому, является *молитва*. Она есть могущественное средство для борьбы с грехами. Оно заключается в том, чтобы больше и больше, яснее и яснее узнавать себя, понимать и помнить о своём положении в мире и при совершении каждого поступка оценивать его, для того, чтобы не впасть в грех (не совершить *зло*, – МБЗ). Просительная молитва большинства верующих в Бога (но не в *онтичную* истину! – МБЗ) не имеет смысла, поскольку о внешних событиях: о том, чтобы пошел дождь, или был жив любимый мною человек, или я был здоров и не

умер, – нельзя молиться потому, что эти события происходят по законам, установленным Богом (*онтосом,* – МБЗ) раз и навсегда.

О внутреннем же своем самосовершенствовании нельзя молиться потому, что нам дано всё то, что для него нужно, и прибавить к этому ничего нельзя. Действительны могут быть только мои усилия исполнять учение Христа (следовать *онтичной* истине; в этом суть *принципа дополнительности* нравственной философии Толстого, – МБЗ). Молись только так: «Отец наш, безначальный и бесконечный как небо! (*онтос,* безначальный и бесконечный, … – МБЗ). Пусть будет свято только Твоё существо. Пусть будет власть только Твоя, так чтобы воля Твоя совершалась безначально и бесконечно на земле. Дай мне пищу жизни в настоящем. Ошибки мои прежде загладь и сотри так же, как я заглаживаю и стираю все ошибки братьев моих, чтобы я не попал в соблазн и избавился от зла. Потому что Твоя власть и сила Твое решение» (Мф., VI, 9–13).

В каждом человеке есть искра Божия, дух Божий (источник *онтичной* истины, – МБЗ). Молитва состоит в том, чтобы, отрешившись от всего мирского, от всего, что развлекает *мои чувства*, вызвать в себе божеское начало (онтичную истину, – МБЗ). И такая молитва бывает не праздное умиление и возбуждение, которые производят молитвы общественные с их пением, картинами, освещениями и проповедями, а всегда помогает в жизни, изменяя и направляя её.

Молитва есть проверка по высшим требованиям души (по требованию *совести* в рамках Третьей сигнальной системы, – МБЗ) своих прошедших и настоящих поступков. Молиться можно, повторяя не только слова Христа, но и Сократа, Будды, Лаотзе, Паскаля и др., если мы переживаем то духовное состояние, которое переживали эти люди и выразили в своих дошедших до нас выражениях. Молиться следует только в минуты высшего духовного подъема, которыми человек должен дорожить как высшей драгоценностью и пользоваться ими *для* всё большего и большего *уяснения своего сознания,* потому что только в эти минуты совершается наше *движение вперед* и приближение к Богу (к *онтичной* истине, – МБЗ). Про такие моменты говорят, что на человека нисходит *благодать* [21, с. 73–74].

Суммирование ощущений от экзибитов природы (идеализация) (37)

Суммирование ощущений от экзибитов Природы существенно отличается от обработки ощущений от артифактов культуры тем, что в последних заложена какая-никакая идея создававших их людей. Экзибиты же Природы – естественные творения. Их – океан океанов. Но мы живем среди них и пользуемся ими. Чтобы не «потонуть» и не раствориться окончательно в этих океанах ощущений, мы вынуждены их «идеализировать», то есть превратить бесконечное множество в конечно число типов = идеалов. Эта *диалектическая* процедура требует огромной культуры – вырабатываемой лишь длительной и упорной практикой. С этой культурой мы сталкиваемся в произведениях искусства, например, в пейзажной живописи. Великие русские писатели – Пушкин, Гоголь, Достоевский, *Толстой* и другие оставили нам в своих литературных произведениях множество превосходных зарисовок Природы, в основе каждой их которых лежит идеализация ощущений.

Суммирование чувств (воображение) (41) (чувства, представление, образ)

Истинное, творческое воображение человека – это проявление его *разума*. *Толстой*: Чем дольше живут и человек и человечество (обратите внимание, в учении о Третьей сигнальной системе Толстого, всё, что истинно для человечества, – истинно и для человека, и наоборот, – МБЗ), чем больше уясняется и утверждается их *разум*, тем всё больше человек и человечество освобождаются от ложного представления о том, что истинно всё то, что выгодно человеку. И потому как всякому человеку, так и всему человечеству, необходимо, по мере движения их в жизни, усилиями своего *разума (внутренний* источник онтичной истины, – МБЗ) и всей *мудростью* прежде живших людей (*внешний* источник онтичной истины, – МБЗ) проверять принятые на веру положения о том, что *истинно*. Любое учение человек должен проверять *разумом* (заметим: не *умом!* – МБЗ) и смело откидывать, если оно не сходится с требованиями *разума* (Толстой предлагает новый критерий *истинности* познания, – МБЗ). *Разум есть величайшая святыня в мире*, а потому и величайший грех злоупотреблять разумом, употреблять его на то, чтобы скрывать или извращать *истину* [21, с. 71–72].

Толстой: Разумная жизнь подобна человеку, несущему далеко перед собой фонарь, освещающий его путь. Такой человек никогда не доходит до конца освещенного места, освещенное место всегда идёт впереди его. Такова разумная жизнь, и только при такой жизни нет смерти, потому что фонарь не переставая освещает до последней минуты, и уходишь за ним так же спокойно, как и во все продолжение жизни [21, с. 93].

Понятие Бога (и законы *онтоса,* – МБЗ) Толстой пытался осознать и определить неоднажды. Летом 1906 года он пишет в своей записной книжке: «Есть ли Бог? Не знаю... Знаю, что есть закон моего духовного существа. Источник, причину этого закона я называю Богом» [19, т. 55, с. 380]. 16 октября 1908 года: «Богом я называю в своей целостности то, что я в ограниченном состоянии сознаю в себе» [19, т. 56, с. 383] (то есть своей особенности – это душа, во всеобщности – Бог – МБЗ). Абстрагирование всех чувств внутри своего «кожного мешка» дает человеку особенное чувство души со всеми её ценностями и Бога как всеобщей и абсолютной ценности.

Счастье (55) (покой, эйфория, вдохновение)

Толстой так разъясняет сущность учения Христа: Чтобы человек узнал, кто он; чтобы он, как птица, не пользующаяся своими крыльями, бегающая по земле, понял, что он – не смертное животное, зависящее от условий мира, а как птица, понявшая, что у неё есть крылья, и поверившая в них, понял бы, что он, сам он, никогда не рождался и не умирал, а всегда есть, и проходит в этом мире только одну из бесчисленных форм жизни для исполнения воли Того, кто послал его в эту жизнь [21, с. 36].

Толстой: Препятствуют духовному росту человека грехи, то есть потворство похотям тела, соблазны, то есть ложные представления о благе, и суеверия, то есть ложные учения, оправдывающие грехи и соблазны. Борьба с ними и победа над ними, – в этом и смысл, и радость человеческой жизни. Тяжело бывает знать человеку про свои грехи, но и зато большая радость чувствовать, что освобождаешься от них. Не было бы солнца, мы бы не радовались свету солнца. Не

было бы греха, не знал бы человек радости праведности. Грехи, соблазны и суеверия – это та земля, которая должна покрывать семена любви для того, чтобы они могли взойти (то есть единство и борьба противоположностей – добра и зла как основа духовного самосовершенствования человека, – МБЗ) [21, с. 54].

Толстой: Спокойствие, свобода, радость, бесстрашие смерти даются только тому, кто признает себя в этой жизни никем иным, как только работником Хозяина (исполнителем законов *онтоса,* – МБЗ) [21, с.71].

Творчество (воплощение образа) (42) (замысел, образец, произведение)

Толстой напоминает, что, по учению Иисуса Христа, задача человеческой жизни состоит в слиянии собственной, сыновней воли с волей Отца – Бога. Цель, конечная цель человеческой жизни в бесконечном по времени и пространству мире, – и это очевидно, не может быть доступна человеку в его ограниченности. Но *смысл её*, то есть зачем он живет и *что он должен делать*, непременно должен быть понятен человеку, так же понятен, как понятно его назначение работнику на большом заводе. Человек есть орудие для совершения не известного вполне человеку дела, а цель этого дела не может быть известна, а *известен человеку только путь*, направление, по которому ведут его живущие в нем разум и любовь (то есть путь *творчества*, – МБЗ).

Техника (12) (стиль, стандарт, надежность)

Толстой: При увеличении роли физического труда полезная культура не уничтожится. Людям ни в каком случае не придется вернуться к копанию земли копьями и освещению себя лучинами. Недаром человечество при своем рабском устройстве сделало такие большие успехи в *технике*. Если только люди поймут, что нельзя пользоваться для своих удовольствий жизнью своих братьев, они сумеют применить все успехи *техники* так, чтобы воспользоваться всеми выработанными орудиями власти над природой [21, с. 160–161].

Управление (14) (хаос, порядок, результат)

Толстой: Правительства, по самой деятельности своей, состоящей в совершении насилий, всегда состоят из самых противоположных святости элементов, из самых дерзких, грубых и развращенных людей [21, с. 123–124].

Толстой: Все знают, что люди, находящиеся у власти – будь они императоры, министры, полицмейстеры, городовые – всегда, вследствие того, что они имеют власть, делаются более склонными к безнравственности, то есть к подчинению общих интересов личным, чем люди не имеющие власти. Обладание властью развращает людей [21, с. 125].

Проблема *управления*, подчинения – центральная в нравственной философии Толстого. Принимая *трехчастную* периодизацию Всемирной истории, истории каждого народа и истории развития каждого индивидуума, он одновременно ставит вопрос о необходимости при переходе с одной, предыдущей, на другую, последующую ступень цивилизационно-экономического развития – переделывать систему *управления* на новую. Первые два периода исторического развития – Человек-биологический эгоист и Человек-общественный эгоист (патриот *своей* страны, отнюдь не человечества!) Толстой рассматривает как примитивные, варварские, *нечеловеческие*. Жизненная задача каждого нарождающегося человека и прогрессирующего общества – поставить эти слои психики и примитивные формы управления обществом *под контроль* более высоко организованной психики. В конце концов выясняется, что управление поведением человека по схеме *первой сигнальной системы* должно постепенно быть заменено на управление по схеме *второй сигнальной системы*, а затем – и по схеме *третьей сигнальной системы*. *Толстой* утверждает, что истинная жизнь наша начинается только тогда, когда мы перестаем считать наше животное существование на уровне индивидуалиста-эгоиста и коллективиста-эгоиста (то есть патриота *только своей* страны) действительно человеческой жизнью. По Толстому, в этом состоит *определение жизни, данное человеком Иисусом Христом.*

Следует, однако, помнить, что животная личность, в которой застает себя человек и которую он призван подчинять своему разумному *(личному,* – МБЗ) сознанию, есть не преграда, но средство, которым он достигает своего блага. Животная личность является для человека тем орудием, которым он работает. Это талант, данный ему для прироста, а не для хранения. В Евангелии говорится: «И кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет её. И кто потеряет жизнь свою ради

Меня, тот обретет её». В этих словах сказано, что сберечь нельзя то, что должно погибнуть и, не переставая, погибает. А что только отрекаясь от того, что должно погибнуть и обязательно погибнет, от нашей животной личности, мы получаем нашу истинную жизнь, которая не погибает и не может погибнуть.

Эту – *управленческую* – задачу человек решает на своём индивидуальном уровне, переходя на третью сигнальную систему управления своим поведением *общечеловеческими ценностями*, государство – становясь государственной машиной *нового типа* [21, с. 39].

Толстой: «Лжеучение государства состоит в признании себя соединенными с одними людьми одного народа, одного государства и отделенными от остальных людей других народов, других государств. Люди мучают, убивают, грабят друг друга и самих себя из-за этого ужасного лжеучения. Освобождается же от него человек только тогда, когда признает в себе духовное начало жизни, одно и то же во всех людях (то есть *онтичность* Вселенной, – МБЗ). Признавая это начало, человек уже не может верить в те человеческие учреждения, которые разъединяют то, что соединено Богом [21, с. 62–63].

Толстой: Стоит только на минуту отрешившись от принимаемого на веру лжеучения государства, взглянуть на положение человека, живущего в государстве, – к какому бы самому деспотическому или самому демократическому государству он ни принадлежал, – чтобы ужаснуться на ту степень рабства, в котором живут теперь люди, воображая, что они свободны. Над всяким человеком, где бы он ни родился, существует собрание людей, совершенно неизвестных ему, которое устанавливает законы его жизни: что он должен и чего не должен делать. Мало этого, в большинстве государств человеку велят, как только он войдет в возраст, поступать на несколько лет в военное, самое жестокое, рабство и идти воевать [21, с. 63]. Толстой уверен, что государство либо должно быть отменено, либо стать совсем другим.

Философия (46) (неопределенность, закон, сущность)

Философская трилогия Толстого – «Круг жизни», «На каждый день» и «Путь жизни» – принадлежит к числу наиболее значительных явлений русской

философской мысли XX века [15, с. 5]. В советское время она была издана только один раз тиражом в 5 тысяч экземпляров. Насколько мне известно, мне удалось купить за семь миллионов рублей (а тогда ещё рубль был в цене) последний полный и сохранный экземпляр этого издания.

Сам Толстой считал свою философскую трилогию важнейшим трудом своей жизни, потому что она давала ответы на животрепещущие вопросы жизни и современной ему культуры [15, с. 10].

Николюкин пишет, что Толстой мыслит одновременно на трёх уровнях: обыденном, публицистическом и философском [15, с. 18–19].

Толстой творил в контексте мировой культуры, был одним из создателей целостности человечества и культуры, нёс в себе целостность нравственного опыта всего человечества. Он был уверен, что добро и правда (онтичная истина в моей терминологии, – МБЗ) необходимы и понятны всем народам во все времена. Толстой сознательно и явным образом разрабатывал *общечеловеческие* ценности [15, с. 5–7].

Некоторые философы утверждают, что современные биология, космология, комплексная теория систем отказались от концепции редукционизма в объяснении жизни и определяют *жизнь* как явление *эквифинальности,* когда *цель* («финал») зарождающейся системы («зародыша») становится изначальной *причиной* её развития [17]. Это означает, что источник или цель развития системы всегда находится за её пределами и является для неё системообразующим принципом, что позволяет зарождающейся системе конкретно и полно проявить себя в многомерности и неопределенности Бытия [3, с. 17]. Если признать, что это – *современная философия,* – то сразу же придется признать, что философия Толстого была гораздо более современной, поскольку оставляла человеку свободу воли. Конечно, здесь возникает естественный вопрос: К какому же именно философскому направлению, течению, или к какой школе философской мысли следует отнести Толстого-философа? Самым правильным, по моему мнению, считать его основателем русской школы *философии всеединства*. Но доказательство этого утверждения требует специального исследования.

Философия до сих пор тоже была не в состоянии ответить на вопрос, что такое жизнь [21, с. 20–21]. Беда в том, что в своих рассуждениях о жизни Платон, Аристотель, Лейбниц, Локк, Гегель, Спенсер и другие пытались рассуждать о том, что рассуждению не подлежит. Их рассуждения надо было бы называть философистикой, но не философией, не любомудрием, а любомудрствованием или плохим повторением того, что по отношению нравственных законов выражено гораздо лучше в религиозных учениях [21, с. 31–32].

Хозяйство (1) (обладание, собирание, жизнь)

По Толстому, главными признаками жизни являются сознание страданий и наслаждений, стремление к благу. Он не может представить себе жизнь иначе, как стремление от зла к благу. Сознательное размышление говорит нам, что живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствует человек желания себе блага, он и не чувствует себя живущим. Человек не может представить себе жизни без желания себе блага. Жить, для каждого человека – всё равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага – всё равно, что жить. Жизнь есть стремление к благу, сопровождающееся чувством удовольствия или страдания [21, с. 14].

Настоящею жизнью представляется каждому человеку только своя жизнь. Жизнь других существ, окружающих человека, представляется ему только одним из условий его существования. Если он не желает зла другим, то только потому, что вид чужого страдания нарушает его благо. Если он желает добра другим, то совсем не так, как себе, – не для того, чтобы было хорошо тому, кому он желает добра, а только для того, чтобы благо других существ увеличивало благо его жизни. Важно и нужно человеку только благо в той жизни, которую он чувствует своею, то есть свое благо. Но, поскольку и все остальные люди думают и хотят так же, человек видит, что его личное благо, в котором одном он понимает жизнь, не только не может быть легко приобретено им, но наверное будет отнято от него. Чем дальше он живет, тем больше рассуждение это подтверждается опытом. Чем дальше живет человек, тем яснее он видит, что наслаждений становится всё меньше и меньше, а скуки, пресыщения, трудов, страданий всё больше и

больше. Он чувствует неперестающее приближение к смерти, и эту мысль он ничем не может выжечь из своего сознания [21, с. 15–16].

Вопрос о смысле жизни поэтому – самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, тот вопрос, без которого жизнь невозможна. Никаким известным образом ответить на этот вопрос невозможно, если не ввести в рассуждение диалектику, а именно – отношение конечного к бесконечному, а именно – как соотнести конечную жизнь человека с бесконечностью бытия? Вопрос философский, и разрешается он верой – лишь она придает смысл конечному существованию человека, передавая из поколения в поколение систему ценностей, выработанную предыдущей жизнью человечества, в которую человек *верит*, принимает её на веру, руководствуется ею, то есть живот под руководством третьей сигнальной системы.

А.Ф. Лосев: «Жизнь есть жизнь – вот чего не понимают многие рассуждающие на эту тему. Само познание есть только результат жизни. Само знание вызвано потребностями жизни. Не мы познаем, не мы и живем, но живет в нас общая мировая жизнь. Мы – только всплески на общем море Бытия, только струи единого всемирного потока, только волны неизмеримого океана Вселенной» [14].

Человечность (45) (животное, обыватель, богочеловек)

Толстой: Ничто так очевидно не подтверждает того, что дело жизни есть совершенствование, как то, что чего бы ты не желал вне своего совершенствования, как бы полно ни удовлетворялось твое желание, как скоро оно удовлетворено, так тотчас же уничтожается прелесть желания. Не теряет своего радостного значения одно: сознание своего движения к совершенству (*внимание*: Первая производная! – МБЗ). Только это непрестанное самосовершенствование дает *истинную*, не перестающую радость. Всякий шаг вперед на этом пути несет за собой свою награду, и награда эта получается сейчас же. И ничего не может отнять её. Счастье есть удовлетворения требований существа человека, живущего от рождения и до смерти только в этом мире. Благо же есть удовлетворение требований *вечной сущности (онтоса*, – МБЗ), живущей в человеке [21, с. 88].

По Толстому, «человечность» определяется по отношению людей к окружающему миру или к началу и первопричине его (к *онтосу,* -МБЗ). Таких отношений человека к миру или к началу его есть только три:

– первобытное личное;

– языческое общественное;

– христианское, или божеское.

Второе из этих отношений – общественное – в сущности есть только расширение первого. Но иначе, чем этими тремя способами, мы не можем понимать жизнь. Первое из этих отношений, самое древнее – то, которое и теперь встречается между людьми, стоящими на самой низшей ступени развития, – состоит в том, что человек признаёт себя самодовлеющим существом, живущим в мире для приобретения в нём наибольшего возможного личного блага, независимо от того, насколько страдает от этого благо других существ. Из этого самого первого отношения к миру, – в котором находится всякий ребёнок, вступая в жизнь (*эмир,* А1-А3-человек, в моей терминологии, – МБЗ), и в котором жило человечество на первой ступени своего развития (А1 в моей терминологии, – МБЗ) и живут ещё и теперь многие, отдельные, самые нравственно грубые люди и дикие народы, – вытекают все языческие древние религии, так же как и низшие формы позднейших религий в их извращенном виде.

Второе отношение человека к миру, общественное (*сила*ч, в моей терминологии, исторический период В1-В3, – МБЗ) – то, которое устанавливается им на следующей ступени, отношение, свойственное преимущественно возмужалым людям, – состоит в том, что значение жизни признается не в благе одной отдельной личности, а в благе известной совокупности личностей: семьи, рода, народа, даже человечества. Из этого отношения вытекают все так называемые общественные религии – китайская, японская, римлян и др.

Третье отношение человека к миру (*авата*р, в моей терминологии, исторический период С1-С3, – МБЗ) – то, в котором невольно себя чувствует всякий старый человек и в которое вступает теперь человечество, – состоит в том, что значение жизни признается человеком уже не в достижении своей личной цели

или цели какой-либо совокупности людей, а только в служении той Воле (*онтичной истине,* в моей терминологии, – МБЗ), которая произвела его и весь мир для достижения не своих целей, а целей этой Воли. Из этого отношения к миру вытекает высшее известное нам религиозное учение – раннее христианство в его ИСТИННОМ, неизвращенном значении. Все известные религии, какие бы они ни были, неизбежно распределяются между этими тремя отношениями людей к миру [21, с. 29–31].

Новый индивидуум может подняться по этим же девяти ступеням своего цивилизационно-экономичесского самосовершенствования (*экономического,* поскольку целью, содержанием и объективно измеримым результатом его является формирование и развитие человеческого *капитала,* – МБЗ), а может и не подняться, остаться на низших ступенях *человечности* [7].

Экономика (22) (богатство, стабильность, достоинство)

Толстой: Закон телесной жизни – труд. Закон духовной жизни – любовь. Если человек нарушил закон телесной жизни – закон труда, он неизбежно нарушит и духовный – закон любви. В этом, по Толстому, состоит грех *тунеядства*. Людям, которые живут роскошной жизнью, нельзя любить людей. Нельзя им любить, потому что всё то, чем они пользуются, сделано поневоле, от нужды, часто с проклятиями, теми людьми, которых они заставляют служить себе. Для того, чтобы им можно было любить людей, им надо прежде перестать мучить их. Вся христианская нравственность в практическом её применении сводится к тому, чтобы считать всех братьями, со всеми быть равным, а для того, чтобы исполнить это, надо прежде всего перестать заставлять других работать на себя, а при нашем устройстве мира – пользоваться как можно менее работой, произведениями других, – тем, что приобретается за деньги, – как можно менее тратить денег, жить как можно проще. «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – говорил апостол Павел [21, с. 56–57].

Эстетика (50) (мода, красота, прекрасное)

Толстой: Предполагается, что то, что разумеется под словом «красота», всем известно и понятно. А между тем это не только не известно, но после того,

как об этом предмете в течение 150 лет 1750 год – времени основания эстетики Баумгартеном – написаны горы книг самыми умными и глубокомысленными людьми, – вопрос о то, что такое красота, до сих пор остается совершенно открытым и с каждым новым сочинением по эстетике решается новым способом [21, с. 195–196].

Толстой: Как происходит эволюция знаний, т.е. более истинные, нужные знания вытесняют заменяют знания ошибочные и ненужные, так точно происходит эволюция чувств посредством искусства, вытесняя чувства низшие, менее добрые и менее нужные для блага людей, более добрыми, более нужными для этого блага [21, с. 199].

Этика (49) (гордыня, панибратство, эмпатия)

Толстой: Учение Христа, как и всякое религиозное учение, заключает в себе две стороны: 1) Учение о жизни людей – о том, как надо жить каждому отдельно и всем вместе – этическое и 2) Объяснение, почему людям надо жить именно так, а не иначе – метафизическое учение [21, с. 98].

Толстой: Всё, что мы можем поставить себе целью, как волю Бога (как следование Онтичной истине, – МБЗ), – всё недостаточно, неполно, всё только признак, но не воля Бога (не Онтичная истина, – МБЗ). Нет ничего радостнее того, как то, когда знаем, что люди любят нас. Но удивительное дело: для того, чтобы люди любили нас, надо не угождать им, а надо только приближаться к Богу (к Онтичной истине, – МБЗ). Только приближайся к Богу и не думай о людях, и люди полюбят тебя [21, с. 47].

Толстой: Самое простое и короткое правило нравственности состоит в том, чтобы заставлять служить себе как можно меньше и служить другим людям как можно больше. Следуя этому правилу, я счастлив и доволен только тогда, когда несомненно уверен, что моя деятельность полезна другим [21, с. 157].

Язык (8) (ложь, молчание, искренность)

В главе «Слово», как бы комментируя христианское «Не лги!», *Толстой* пишет: «Есть старинное изречение: «De mortius aut bene, out nihil», то есть: «О мёрт-

вых говори доброе или ничего». Как это несправедливо! Напротив, надо бы сказать: «О живых говори доброе или ничего». От скольких страданий это избавило бы людей, и как это легко! О мёртвых же почему не говорить худого? В нашем мире, напротив, установилось вследствие обычаев некрологов и юбилеев говорить о мёртвых одни преувеличенные похвалы, – следовательно, только лгать. А такие лживые похвалы вредны потому, что сглаживают в понятиях людей различие между добром и злом». Толстой называл это языческим, ложным правилом.

Толстой: Для истинного знания вреднее всего употребление понятий и слов не вполне ясных. А это-то самое и делают мнимые ученые, придумывая для неясного понятия неясные, несуществующие, выдуманные слова. Ложная наука и ложные религии выражают свои догматы всегда высокопарным языком, который непосвященным кажется чем-то таинственным и важным. Рассуждения ученых людей часто бывают столь же мало понятны не только для других, но и для них самих, как речи профессиональных учителей веры. Но таинственность не есть признак мудрости. Чем истинно мудрее человек, тем проще тот язык, которым он выражает свои мысли [21, с. 66].

Толстой: Мы возмущаемся на телесные преступления: объелся, подрался, прелюбодействовал, убил, а легко смотрим на преступления слова: осудил, оскорбил, передал, напечатал, написал вредные, развращенные слова. А между тем последствия преступлений слова гораздо более тяжелы и значительны, чем преступления тела. Мы знаем, что с заряженными ружьями надо обращаться осторожно. Но не хотим знать того, что так же осторожно нужно обращаться и со словом. Слово может не только убить, но и сделать зло хуже смерти. Слово – выражение мысли и может служить соединению и разделению людей. Поэтому нужно с осторожностью обращаться с ним. Надо или молчать, или говорить вещи, которые лучше молчания [21, с. 68].

3. Теория современного смысла человеческой жизни с учетом Третьей мировой, предлагаемой Л.Н. Толстым.

Современную теорию смысла человеческой жизни, управляемой ценностями, можно было бы вкратце сформулировать следующим образом.

Человек, результат длительной биологической, смешанной биолого-культурной и культурной эволюций, живет в мире, который воспринимает своей психикой в трёх ипостасях:

– как своё тело (чувства от всего, что заключено в его «кожном мешке»);

– как артефакты различных форм культуры (ощущения от всего, сделанного человеком);

– как экзибиты первозданной Природы (ощущения от всего, что есть в первозданной Природе и доступно человеку).

Познание этих трёх «материальных действительностей» человек осуществляет посредством трёх видов активного психического отражения действительности (АПОД), в каждом из которых осуществляются «радиальные» операции абстрагирования (восхождение от конкретного, единичного к особенному и затем к общему, абстрактному) и конкретизации (нисхождение от абстрактного, общего к особенному и затем к конкретному, единичному) и «тангенциальные» операции с единичным и особенным. Благодаря АПОДам в психике человека формируются три основные сферы:

1. -*Сознание публичное* (абстрагирование, суммаризация, обобщение ощущений от всех возможных артифактов культуры) с высшими абстракциями в пределах человеческой ограниченности – идеями (гипотезами) и особенным в виде понятий и мыслей. Радиальные психические операции здесь называются идеяизацией (восхождение от конкретного к абстрактному через особенное – понятия) и опредмечиванием (нисхождение от абстрактного к конкретному через особенное – модели и гипотезы. Тангенцильные операции здесь называются мышлением (умозаключением).

2. *Сознание личное* (абстрагирование, суммаризация, обобщение ощущений от всех возможных экзибитов Природы) с высшими абстракциями в пределах человеческой ограниченности – идеалами и особенным в виде впечатлений. Радиальные операции здесь называются идеализацией (восхождение от конкретного к абстрактному через особенное – впечатления и алгоритмы) и классифика-

ция (нисхождение от абстрактного к конкретному через особенное – представления, правила, нормы, стандарты и т. д.). Тангенциальные операции здесь называются ассоциированием, приводящим к возникновению ассоциаций.

3. *Дух* (абстрагирование, суммаризация, обобщение от всех возможных органов, тканей, состояний и процессов внутри собственного тела) с высшими абстракциями-чувствами в пределах человеческой ограниченности – блага и страдания и особенным в виде эмоционально – позитивно или негативно – окрашенных переживаний. Радиальные операции здесь называются воображением (восхождение от конкретного к абстрактному (чувства блага и страдания) через особенное – представления) и творческим воплощением (нисхождение от абстрактного (чувств бдага и страдания) к конкретному через особенное -эмоционально окрашенные образцы – духовные ценности. Результатом нисхождения являются произведения. Тангенциальные психические операции здесь называются совестью с результатами таких операций – взаимодействием ценностей разных форм культуры, освоенных человеком.

Высшим интегративным проявлением активного психического отражения действительности в разнообразных её проявлениях (АПОДом) является *разум*, сочетанно обрабатывающий оба вида сознания и дух и на этой основе формирующий и развивающий поведение индивидуума. Радиальные операции в пределах разума называются умудрением, тангенциальные – разумением.

Высшими предельными абстракциями вне пределов человеческой ограниченности являются добро и *зло* (Бог и Дьявол – в сознании верующего) – результаты предельного абстрагирования чувств, *жизнь* и *смерть* – результаты предельного абстрагирования ощущений от экзибитов Природы) и *истина* и *ложь* – результаты предельного абстрагирования ощущений от артифактов всех форм культуры). В предельном (бесконечном) пространственном и временном развитии *эти три парные предельные абстракции совпадают* (добро-жизнь-истина и зло-смерть-ложь). Сфера сочетанной обработки в психике предельных абстракций – называется *мудростью* (акцент на чувственном абстрагировании) и *фило-*

софией (акцент на словесном, или вербальном, абстрагировании). Тангенциальные психические операции здесь называются творческой интуицией с результатами её – категориями диалектики и связывающими их диалектическими закономерностями и законами.

В пределах биологической жизни человек – в своем поведении – руководствуется так называемой Первой сигнальной системой безусловные и условные рефлексы и животные инстинкты).

В пределах своей социальной жизни человек в своем поведении руководствуется культурными инстинктами и Второй (вербальной, или словесной) сигнальной системой.

В пределах своей духовной жизни человек руководствуется, совершая те или иные поступки, Третьей сигнальной системой, то есть системой светских духовных ценностей (СДЦ), называемой обычно *душой,* и *совестью,* подсистемой души, состоящей лишь из онто-ценностей всех форм культуры, освоенных данных человеком.

Пользуясь всеми АПОДами, человек познает в той или иной степени ОНТИЧНУЮ истину, совершенствует свою систему светских духовных ценностей (СДЦ) (то есть *душу* и *совесть,* – МБЗ). Если он ведет себя, руководствуясь в рамках Третьей сигнальной системы *онтичными* ценностями, он творит *добро* и в обмен получает *благо* своей жизни. Если он руководствуется анти- и псевдо-ценностями, он творит *зло,* и в обмен получает *страдания* в своей жизни. Поэтому нормальный человек *смыслом,* делом своей жизни полагает самосовершенствование – увеличение числа форм освоенных им форм культуры, и в этих формах – переход от анти- и псевдо-ценностей к онто-ценностям.

Все рожденное обязано умереть. Человек живет, зная, что приближается к смерти. Это основное противоречие жизни. Но оно снимается, если вспомнить, что каждый человек живет в каждый момент времени одновременно тремя жизнями – биологической, социальной и духовной. Поэтому можно говорить о трёх зачатиях, трёх рождениях и трёх смертях каждого отдельного человека. По-

настоящему *человеческой* является только его *духовная* жизнь. Поэтому, с каждым днем приближаясь к физической, животной смерти, человек одновременно возрастает к жизни духовной, истинно человеческой, чтобы в конце концов растворится в *онтичности* природы (в *онтосе*).

Все богатства для своей жизни человек и человечество заимствуют из окружающей среды. Каждый человек для этого должен иметь четыре дела, четыре вида *труда* (физического, ремесленного, духовного и образовательного для преобразования (капитализации) своего человеческого потенциала в человеческий капитал, состоящий из шести компонентов: трёх видов здоровья (телесного, психического и социального), двух видов интеллекта (критическое смысловое мышление и творческая интуиция) и самого главного качества современного человека – *совести.*

Совокупность человеческих капиталов членов корпорации любого уровня (от семьи до государства и человечества в целом) может превратиться, а может и не превратиться в её *социальный* капитал. Доля ограниченного пирога мирового богатства, достающаяся корпорации (от семьи до государства) при его дележе, пропорциональна её социальному капиталу (например, ВВП страны). Распределение богатства между членами корпорации любого уровня происходит пропорционально их человеческому капиталу (при идеально функционирующих внутреннем и внешнем рынках). Поэтому и сам человек, и каждое общество в целом *заинтересованы* в индивидуальном духовном росте граждан. Одновременно, с превышением доли духовно развитых людей больше половины от численного состава корпорации, каждое общество и человечество в целом, пользуясь механизмами демократии и республиканского устройства, в состоянии ответить на все глобальные вызовы современному человечеству.

Заключение

1. Современное учение о смысле человеческой жизни, управляемой ценностями, позволяют максимально счастливо прожить свою жизнь каждому гражда-

нину и одновременно открывает путь к процветанию каждому государству и человечеству в целом. Основы этого учения заложены русским философом Львом Николаевичем Толстым.

2. Особенностью России является то, что философами у нас «служат» писатели. Философами были Пушкин [13] и Гоголь, Достоевский и Чехов, и многие, многие другие. Безусловно, первое место в этом ряду должно быть отдано Л.Н. Толстому.

3. Совершенно очевидно, что Л.Н. Толстой был и гениальный антрополог. Усовершенствовав свое литературно-художественное мастерство до невиданного в истории человечества уровня и став основателем Современного романа, Толстой закономерно для своего собственного творческого развития, но совершенно неожиданно для всей читающей публики, – опрокинул свой гений на создание современной антропологии. Сегодня принято различать много «антропологий» – философскую, культурную, педагогическую и др. [Огурцов, с. 7]. Толстой был антропологом во всех этих смыслах, но и более того – художественным антропологом (на такое же звание претендовал ещё всего один человек – русский писатель Ф.М. Достоевский).

4. Учение о ценностном управлении поведением сообществ и отдельных людей (т.е. о Третьей сигнальной системе, – МБЗ) практически зиждется на *принцип тройственной дополнительности* Бога, Природы и Абсолютной истины, трёх видов активного психического отражения действительности (АПОДов) и лежит, по-видимому, в основе такого трудно объяснимого и таково психически притягивающего образа как *троица* в русской православной иконописи.

5. Ученые – современники – Толстой и Фрейд [22] – подарили миру весьма разные учения о структуре психики человека. Это «соревнование» безусловно выиграл Толстой со своей *триадой бог – природа. – абсолют*.

6. Народ идёт вперед в сознании нравственной, жизненной стороны раннего христианства [21, с. 115], вступая в Эру ценностного управления поведением со-

обществ и людей – Эры следования *онтичной* истине. Всем нам чрезвычайно повезло: мы являемся участниками революционного перехода всего человечества и каждого из нас *в эту эру*.

7. Предстоит колоссальная работа по освоению научного и философского наследия Л.Н. Толстого.

Список литературы

1. Асмус В.Ф. Мировоззрение Толстого // В.Ф. Асмус // Избранные философские труды. Т. 1. – М., 1969.

2. Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины: Сб. статей о русской революции. – 2-е изд. – Париж: YMCA, 1967.

3. Бирич И.А. Философская антропология и образование (на путях к новому педагогическому сознанию). – М.: Жизнь и мысль, 2003. – 272 с.

4. Булгаков Вал. Предисловие. – С. 7–11.

5. Зыков М.Б. 80 идей Вл. Соловьева о смысле любви XXI века: Монография. – Елец: Типография, 2015. – 178 с.

6. Зыков М.Б. Обучение, воспитание, образование и время как четыре базисных вектора педагогического пространства [Текст] / М.Б. Зыков // Образование и наука в современных условиях: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 09 окт. 2015 г.) / Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – №4 (5). – С. 71–73.

7. Зыков М.Б. Право на современные человеческие права должны иметь те, кто исполняет свою гражданскую обязанность стать современным человеком [Текст] / М.Б. Зыков // Научные исследования: от теории к практике: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 06 нояб. 2015 г.). В 2 т. Т. 2 / Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – №4 (5). – С. 246–249.

8. Зыков М.Б. Трёхчастная периодизация Всемирной истории [Текст] / М.Б. Зыков // Инновационные технологии в науке и образовании: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 23 окт. 2015 г.) / Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – №3 (3). – С. 23–24.

9. Зыков М.Б. Толстовское движение (монография): Документы и материалы. Выпуск 1. – М.: Единство, 1996. – 128 с.

10. Зыков М.Б. Лев Толстой и Джон Темплтон в поисках законов жизни // Темплтон, Джон Маркс. Законы Жизни / Перевод с английского М.Б. Зыкова. – М.: Единство, 1996. – С. 289–300.

11. Зыков М.Б. Лев Толстой и Гастон Башляр о модернизации общеобразовательной школы // Толстовский сборник – 2002: Актуальные проблемы изучения наследия Л.Н. Толстого. Педагогика. Краеведение: Материалы 27 Международных Толстовских чтений. – Тула: ТГУ, 2002. – С. 41–47.

12. Зыков М.Б. Лев Толстой, Кибутцы, Макаренко, Корчак и современная педагогика // Школа жизни – школа воспитания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 115-летию со дня рождения А.С. Макаренко и 100-летию со дня рождения С.А. Калабалина. 24–25 сентября 2003 года. – Егорьевск: КГПУ, 2005. – С. 88–91.

13. Зыков М.Б. А.С. Пушкин – первый русский философ // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы XII Голицинских чтений, 22–23 января 2005. Министерство культуры Московской области. Большие Вяземы: Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина, 2005. – С. 612–619.

14. Лосев А.Ф. Жизнь: Повести, рассказы, письма. – СПб., 1994.

15. Николюкин А.Н. Завещание мудреца. – С. 3–23.

16. Огородников Ю.А. Предисловие. – С. 7–8.

17. Рогожин В.И. Циклы сознания и закон любви: Анализ современных философских дискуссий // Проблемы антропологии: Материалы I Всероссийского филос. конгресса. Т. 7. – СПб., 1997.

18. Сергий Радонежский / Научный редактор и Первый читатель И.А. Бирич. – М., 2000.

19. Толстой Л.Н. Полное (юбилейное) собрание сочинений в 90 тт. – М., 1928–1955.

20. Толстой Л.Н. Путь жизни / Сост., коммент. А.Н. Николюкина. – М.: Высшая школа, 1993. – 527 с.

21. Толстой Л.Н. Христианская этика. Сб. – Е.: Альфа, 1994. – 224 с.

22. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. – М.: Современные проблемы. – 110 с.

Зыков Михаил Борисович – д-р филос. наук, д-р экон. наук, профессор ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», Россия, Елец.